

АКСАКОВСКИЙ

летний [2020]
АЛЬМАНАХ
№ 2

ОРЕНБУРГСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ИМЕНИ СЕРГЕЯ АКСАКОВА

Алый
ЦВЕТ

АЛЬМАНАХ
А К С А К О В С К И Й
летний
№ 2
[2 0 2 0]

ИЗДАН НА СОБСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА
УЧАСТНИКОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ИМЕНИ
СЕРГЕЯ АКСАКОВА «АЛЫЙ ЦВЕТ»
И ГОСТЕЙ АЛЬМАНАХА

ВОЗРАСТНОЕ
ОГРАНИЧЕНИЕ
12+

*На обложке — картина
члена Союза художников России
Ольги Нагорной:
набережная с памятником Валерию Чкалову
и лестница к Уралу.*

*В оформлении использованы фото с сайта бесплатных изображений
pixabay.com и из личных архивов авторов.*

Альманах-преодоление

ЭТОТ номер альманаха «Алый цвет» уместно назвать антикризисным, ведь выход из кризиса предполагает воистину творческие, нестандартные решения. Народ вкладывает скромные сбережения в покупку гречки, а наши авторы решили вложиться в это издание. Вспоминается исторический случай: Уинстону Черчиллю в войну принесли свёрстанный бюджет Великобритании, где титульные позиции занимали военные расходы. «А где расходы на литературу и культуру?» — спросил Черчилль. Помощники оstonбенели: «Какая культура? Мы воюем с Гитлером!» Ответ Черчилля гениален: «А за что мы воюем, как не за то, чтобы иметь право на свою культуру?» А ведь правда! Гитлеры и COVID'ы приходят и уходят. Но если не поддерживать свою культуру, то придётся смириться с гитлером и с COVID'ом. Издание этого номера альманаха в это категорически неподходящее в финансовом отношении время с полным правом я называю творческим преодолением непростой ситуации, что имеет место быть в России... Наши авторы расскажут вам, как прекрасна жизнь несмотря ни на что! Их рассказ о жизни будет полифоничен. Ведь география авторов альманаха расширилась, перешагнув оренбургский региональный формат, с чем я и поздравляю наших читателей!

*Диана Кан,
руководитель Оренбургского литобъединения
имени С.Т. Аксакова*

Портрет Дианы КАН кисти Ольги НАГОРНОЙ

Снег — это с крыльев
слетевшие перья,
Голый лес — обнажённость
открытой души.
Чем роскошнее храмы,

Литературное объединение
«Алый цвет»

АРХИПОВ Александр родился и живёт в Оренбурге. Закончил Оренбургский учётно-финансовый техникум и Оренбургский филиал Российского торгово-экономического университета. Начал писать любительские стихи в 14 лет. Публикуется впервые.

В СТИХАХ ВОСКРЕСАЕТ ПОЭТ!

тем глубже безверье,
В сердце города пусто,
как будто в глуши.

Пустота поселилась
в глазницах прохожих,
Разум спит и не видит
чудовищных снов.

Я в бреду, я бреду
в лабиринте похожих,
Однотипных холодных
бетонных домов.

Эта наледь надолго,
заморожено время.

Чёрный Ангел рыдает,
не находит людей.
Великанов сменило
пигмейское племя.
Здесь убили мечту
просто так, без затей.

Первобытный страх темноты,
Чёрной пропасти скалится пасть.
Боязнь слепоты, немоты,
В никуда без остатка пропасть.

Растворится среди пустоты,
Не оставив и призрачный след...

Приглядишь, что запомнила ты?
Кем я был для тебя столько лет?

Жаркой ночью, на зорьке с утра
Или днём в суматохе толпы?
В тихий вечер при свете костра,
Когда нас опьяняли мечты.

Может, был я попутчик простой,
Вечно пишущий что-то в блокнот.
Не единственный и не чужой,
Вроде избранный, только не тот.

Пусть останутся рифмы, слова,
Образ прошлого, тихая грусть —
В них любовь молодая жива!
Будто шепчет: «Я снова вернусь».

Знай, пока эти строки звучат —
Пеньё птиц предвещает рассвет.
Нам нельзя возвратиться назад,
Но в стихах воскресает поэт!

На замерших ветвях лежит
Мучнистый белый иней.

В тумане город состоит
Из тонких бледных линий.

Размыты контуры домов
В белёсом полумраке,
И слышно через сто дворов
Тревожный лай собаки.

Всё громче шарканье шагов,
Диск солнца проступает,
Страна молочных берегов
Волшебным сном растает.

Я погружаюсь в мир дневной,
Вокруг все ярче краски,
Но помню утренний покой
Из чудной зимней сказки...

Одинокие ночи
спрессованы в месяцы.
Лунный свет отражён
в воспалённых глазах.

Лишь за окнами ветер
рыдает и бесится,
Да проносятся тучи
в седых небесах.

В эти ночи над спящим
в безмолвии городом
Беспокойного сердца
разносится стук.
Тишина обжигает
пронзительным холодом,
И грохочет любой
незначительный звук.

Чашка кофе с печеньем,
в дыму сигаретном
Телевизора тусклый
мерцает экран.
На лице, от бессонницы бледном,
Пара первых морщин,
словно шрамы от ран.

Скоро выпадет снег,
и в декабрьской стыни

А Продолжают часы наш
отсчитывать век.
В многотысячном городе,
будто в пустыне,
Одинок и потерян,
не спит человек.

Пустынно всё, не видно ни души,
Дома стоят
в морозном полумраке.
В такую ночь
среди городской глуши
Рисуют тени призрачные знаки.

Закрываются двери, холод всё сильнее.
На стенах окон чёрные глазницы,
А я иду и думаю о ней,
Но не могу, не смею возвратиться!

Бессмысленными стали разговоры,
Нам не согреть
заснеженных ночей.

И мне мигают красным светофоры
В галактике, где я уже ничей.

Уже прохожих не встречается,
Небо – звёздное решето.
Иду, за мною развеваются
Крылья чёрного пальто.

Только ветер громыкает
Створками ворот.
Пыль столбцами завивает,
Водит листьев хоровод.

Ну привет, бродяга-ветер!
Облети вокруг!
В эту ночь на целом свете
Ты мой лучший друг.

Прогреми металлом крыши,
Поиграй в садах,
Пой то громче, то всё тише
В струнах-проводах.

Вдоль по набережной старой
Светят фонари.
Так давай пройдемся парой
В колыбель зори.

Серо-бумажная
книга реальности,
Будничных дней похлёбка.
Все дела сведены к банальности:
Дом, работа, воскресная стопка.

День за днём пролетают по кругу,
Как один, растянувшийся в год.
Даже в редкое время досуга
Не уйти от житейских забот.

А ведь в жизни бывает —
встречаются
Ветер странствий и солнца лучи.
Все надежды
когда-то сбываются,
И восторженно сердце стучит!

Хорошо, если рядом подруга,
В трудный час не оставят друзья.
Надо выйти из серого круга,
Как выходят порой из себя.

Он был не такой, как все.
Не так говорил и слышал.
Ходил босиком по росе,
Знал, что вселенная дышит.

Гулял под растущей луной
И в древние верил поверья,
Внимая ночью порой,
О чем шепчут ветру деревья.

Зимой перед светом огней
Вальсируют сны и снежинки,
Придумывал сказочных фей,
Смотрел, как рождаются льдинки.

О нём говорили «чуждак»,
Он грустно в ответ улыбался

И снова всё делал «не так»,
Поэтому странным казался.

С утра опасался проспать
Пернатых звенящие трели,
Спешил поскорее застать
Туман у озёрной купели.

Он был настоящим всегда!
А те, кто над ним потешались,
Впустую потратив года,
Навечно слепыми остались!

Тополинный пух кружится,
Мчится вдоль по мостовой,
Мне так хочется влюбиться
И увлечься молодой.

Чтоб, как юноша, томиться,
Ночи долгие не спать,
На свиданье торопиться,
Губы милой целовать,

Тополинный пух клубится
Над землёй, как белый дым,
Как же хочется забыться
И проснуться молодым.

Ночное кладбище у старицы —
Кресты, сугробы, тишина.
Передо мною открывается
Окно в другие времена.

Стою, беззвучно вопрошая:
Что было, как и почему?
Но рядом только мгла ночная
Под стать раздумью моему.

Ложатся хлопья белой ватой,
В безмолвии могилы спят.
Кто правым был, кто виноватый —
Года минувшие молчат.

Всех примиряет только небо
Да наша горькая земля.

А Ответа нет. Как своды склепа,
Склонили ветви тополя.

Впечатленья мчат галопом —
Всё здесь есть: и свет, и грусть.
Я бреду по скифским тропам,
А вокруг всё та же Русь.

Соловей поёт солистом,
В травах скачут скрипачи,
Рядом с полем колосистым
Ходят важные грачи.

Над рекой орёл кружится,
Под горой ручей звенит,
Ветер с посвистом резвится,
Жизни музыка звучит.

Степь, холмы да перелески...
А вдали, в разрыве туч,
Вдруг пробился яркий, дерзкий,
Как надежда чистый луч.

Я здесь родился и подрос,
Гуляя по роще с малолетства,
Но есть один большой вопрос,
Когда я вспоминаю детство.

Я видел тополей колоссы —
Казалось, в облаках верхушки,
А ближе к старице — берёзы
И гулкий вещей крик кукушки.

Теперь же нет тех исполинов...
Торчит горельник, сухостой,
Стволы зелёных властелинов
Лежат, заросшие травой.

Не только лес пришёл в упадок —
Иссохла, чуть бежит река.
Среди людей свой беспорядок,
Всё больше зла и бардака.

Кругом разлад и запустенье,
Русь по ухабам понеслась.

Кто остановит разрушенье?
Очистит души, смоем грязь?

Когда же станет всё иначе,
Жизнь полноводно потечёт?
Ну а пока берёза плачет,
Кукушка продолжает счёт.

Незаметно наша жизнь проходит...
Старый двор, другие времена.
Только ветер с пылью хороводит,
Карагач роняет семена.

Опустела дряхлая скамейка,
Не играет в мячик ребяшня,
Лишь котят весёлая семейка
Возится у старого плетня.

Смолкли самодельные качели,
Не скрипят, взлетая в небеса,
Голоса соседок отзвенели,
Потускнела ставен бирюза.

У крыльца трава густая всходит,
 Распушил листву татарский клён.
 Отчего же дом тоску наводит,
 Будто знает, будет он снесён?

Вы о прошлом память берегите,
 Вспоминайте близких и родных
 И старинный город сохраните,
 Чтобы не забыли вас самих.

Русь, Россия, отчизна моя!
 Сколько силы в тебе расплескалось!
 То же небо, всё те же поля,
 Только что-то внутри оборвалось.

Словно сироты, дети твои —
 Не нужна им слезливая жалость,
 Дай своей материнской любви,
 А ещё доброты хоть бы малость!

И они будут рядом с тобой,
 Всё снесут и пройдут, если надо,

Защитят и закроют собой,
 Как их предки у стен Сталинграда.

По плечу им любые дела,
 Только дай созиданья работу!
 Не жалея же родного тепла,
 Прояви о потомках заботу!

Стали явью тяжёлые сны,
 Нас теперь разделяют границы,

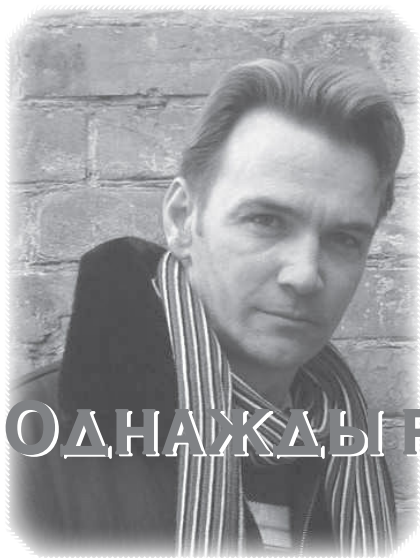
На обломках великой страны
 Мы не можем с собой примириться.

Льётся свет витрин неоновый
 В суете поколения некст.
 Еле слышно сквозь шум фоновый
 Я читаю свой странный текст.

Посреди испарений винных
 В прокуренных барах, в пивных
 Я ангелов видел невинных,
 Путан целовал шальных.

Встречались мне разные души
 Под лживыми масками лиц,
 Я много историй прослушал,
 Тонул в океанах страниц.

Так страшно порою, до жути,
 Гореть, ничего не любя,
 Искать посреди этой мути
 Кого-то, быть может, себя?

Литературное объединение
«Алый цвет»

БАКУЛИН Вадим Валерьевич – поэт, член Союза писателей России, журналист, лауреат литературной премии им. П.И. Рычкова. Родился в городе Оренбурге. Окончил Оренбургское музыкальное училище им. Ростроповичей и факультет журналистики ОГУ. Работал в различных печатных изданиях. Печатался в журналах «Москва», «Невский альманах», «Ислам и жизнь», «Простор», «Дон», «Новый Енисейский литератор», «Гостинный двор», «Парус», «Отчий дом», «Студенческий

ОДНАЖДЫ РЕКИ ПОВЕРНУТСЯ ВСПЯТЬ

ВРЕМЯ БЕССМЕРТИЯ

Время бессмертия,
Чистой беспечности —
Детство, верни
Ощущение
вечности!

Время влюблённости,
Нежных объятий —

Юности крепких
Рукопожатий.

Мудрости время,
Не мчись, не спеши —

Зрелость, верни мне
Крылатость души,

Чтобы зловещей
Зимой не казалось

меридиан», «Траектория творчества», «Жарки Сибирские», «Провинция у моря», «Дерибасовская — Ришельевская» (Одесса), «Снегири», «Республика» и т. д. Автор пяти поэтических книг: «Музыка души» (Калуга), «Над пропастью весны», «Время мотылька», «Бессмертник» (Оренбург), «Продолжение разговора» (Москва).

Время потерь —
Неизбежная старость.

ВЕЧЕРНИЙ АЛЬБОМ

В Трёхпрудном дом снесли,
а всё ж остался
Дух старины, цветаевской весны...
Двадцатый век,

как страшный сон,
промчался,

Меня лик истерзанной страны.

Вот времени река течёт обратно.
Трёхпрудный...

Девятьсот десятый год.

Пух тополиный так похож на вату
У деревянных стареньких ворот.

Ворота открываются: Марина —
Таинственная девушка в пенсне,
В огромной шляпе, в
тёмном платье длинном —
Поспешно направляется ко мне.

А кто же я? Высокий,
стройный тополь —

Её поклонник, рыцарь,
верный друг.

Мы с ней стихи
читаем про Акрополь,

Молчим под ливня
трогательный стук.

Да, я свидетель всех её проделок.

Мне, право, любопытно и смешно,
Как по ночам она гуляет смело,
Бродяга-ветер ей стучит в окно...

Однажды утром, накопив отваги
(И я, увы, не мог о том не знать),

Она взяла бесценные бумаги
И понесла в издательство —
в печать!

А в октябре, когда ронял я листья
Охапками, и не жалел о том,
Был счастлив,
окунувшись в бездну истин,

В её вечерний
заглянув альбом!

Шла гордая
назло вчерашним бедам,
С размеренностью
стихотворных строк,
Я, первым ощутив её победу,
Листвой ей аплодировал, как мог.

Прошла зима...

Она казалась длинной.

Марина в Крым уехала потом.
Я верность Вам храню,
моя Марина,

Надёжной тенью укрывая дом!

Я ПОМНЮ СТАРОЙ ДАЧИ ТИШИНУ

Я помню старой дачи тишину
И нашу двадцать первую весну.
На шишках разогретый самовар
И первых чувств неутолимый жар...

И тополей приветливый поклон,
И птичий перезвон со всех сторон.
Цветущий сад — в открытое окно...
Всё было как вчера... и так давно...

Теперь ни дома нет, ни тополей,
Нет в роще
наших трепетных аллей,
Казавшихся длинней,
чем жизни путь.
Быстротекущей жизни в этом суть:

Нет ничего... Тебя на свете нет,
И только память, чистая, как свет,
И боль, что разрывает тишину.
...И не с кем даже
вспомнить ту весну.

МАМА

Бывает часто —
по ночам не спится...
А тут весна проснулась в феврале!
Перебираю памяти страницы —

Всю ночь копаюсь
в письменном столе.

Здесь ворох писем,
каслинский подсвечник.

Старинный портсигар
упал, звеня...

Предметы,
что со мной
прожили вечность,

Что вечность проживут
и без меня.

Тут детские стихи мои, записки
Десятки лет лежали взаперти.
Далёкое — становится мне близким,
Но это невозможно вернуть.

И вот открытка
с надписью сердечной,

Её дороже не было и нет:
«Весной мы сделаем

такой скворечник!»
От мамы, из Прибалтики привет!

Я вспомнил миг из жизни:
мне три года.

Я тихо к маме в комнату вошёл.
Была в тот вечер странная погода.
Чудил февраль,
и дождь весенний шёл.

Следы от капель — словно от кинжала,
Дождь бился
в стёкла звонкого окна.

Я понимал, что мама умирала,
И знал, что мама навсегда — одна.

Найдя бумагу, краски в секретере,
Всю ночь я рисовал её портрет,
Уже не плача, потому что верил,
Что мама встанет...

Распахнутся двери,
И я поймаю взгляда тёплый свет...

ФОТОГРАФИЯ

Февральская суббота.
Альбом из сундука.

На чёрно-белом фото
Улыбка на века.

Сегодня ошалело
Взрывается метель.
На фото чёрно-белом
Пронзительный апрель.

Взгляд девушки
прекрасной
С причёсочкой простой.
На фото, сзади — надпись:
Весна. Тридцать седьмой.

И дедушкиной
быстро
Подписано рукой:
«Любимой от танкиста,
Валюше дорогой!»

Взгляд бабушки безбрежен,
Стройна и хороша!
Охвачена надеждой
Крылатая душа,

И сказано немало
В скрещенье тонких рук...
Большой разлив Урала.
Беловка. Оренбург.

Эх, молодость, свобода,
Беспечная весна...
Через четыре года —
Разлучница-война...

Флаг — бездарям!
...А гения осудят...
Так было на веку всегда...
И будет.

Безмозглым — трон,
Иных — свести с ума,
И если не могила,
То тюрьма.

Честь — лицемерам!
Честных — за порог...

Таков, творец,
Твой неизбежный рок.

Однако озарит
Тебя не зря,
Увековечив,
Смертная заря!

ОНА ЧИТАЕТ ЛЮДЯМ НАРАСПЕВ

На сквозняке,
в костюмчике потёртом,
Свои медали честные надев,
Поэму о бойце —
«Василий Тёркин»
Она читает людям нараспев.

Никто не назовёт
её бабулей —
Есть выправка,
в глазах горячий свет,
Хоть не одной была задета пулей,
Не чаяла дожить
до зрелых лет!

Б Не потому стихи она читает,
 Что слава ей подобная нужна.
 Она реально — просто голодает.
 До слёз скупая пенсия смешна.

...А купит хлеб,
 ещё отломит корку,
 Покормит воробьёв и голубей.
 — Подай, сынок,
 пожалуйста,
 хоть сколько...
 Подай, Россия, матери своей!

Дядя Ваня

Без хозяина дом сиротеет.
 Дяди Вани полгода, как нет,
 Вновь в скворечню
 скворцы прилетели,
 Но никто
 им не скажет: «Привет!»
 И стремительна невероятно
 Високосная эта весна.

Приуныла согбенная верба
 У раскрытого ветром окна.

Не по-мартовски пасмурно что-то:
 Моросит, моросит небосвод.
 Бедолага, прижался к воротам
 Неприкаянный дядюшкин кот.

Приоткрытая стонет калитка,
 Точно ждёт, что хозяин придёт...
 Или кто по старинке открытку
 К Дню Победы
 по почте пришлёт?!

Носит Игорь,
 соседский мальчишка,
 Октябрятский значок на груди,
 Признаётся он
 с гордостью Гришке:
 «Дяди-Ванин подарок, гляди!»
 Все мечты, дядя Ваня, все муки
 Поминальным
 отпеты дождём...

Ветки яблоней крепко, как руки,
 Обнимают тоскующий дом.

Воспоминание. Дождь

Дерзким ветром окно отворилось.
 Прогремел оглушительный гром.
 Рамы треск...
 Но стекло не разбилось,
 Значит, ветер ворвался с добром!

Нашептал он мне что-то на ухо,
 Оренбургской жарою дохнул,
 С тополиным
 взъерошенным пухом
 Порезвился,
 прилёт
 и уснул.

Дождь пронёсся порывисто, лихо,
 Всё скорее,
 скорее,
 скорей...
 Ускакал...

Вышло солнце,
И тихо
Стало в комнате детской моей.

Где теперь этот дом,
 этот мальчик?
Всё смешалось — реальность и сон.
Это был краткий миг...
Но чем дальше,
Тем светлей
 и пронзительней он!

МАЛЕНЬКИЙ ГОРОДОК

Маленький городок,
Чуть покрупней села.
Спит
 подо льдом ставок,
Дремлет во льду ветла.

Улочками пройдуь —
Ветер, как пёс, фырчит.
Древнюю пряча грусть,
Город февральский спит.

Тусклого фонаря
Подслеповатый взгляд.
Радостный свет дая,
Звёзды в ночи горят —

Вечные янтари!
Видно ли их в Москве?
Что ты ни говори,
Здесь ещё прошлый век.

Воздух прозрачен, чист,
И ни души вокруг.
Сквозь тишину звучит
Поезда ровный стук.

Сказочно серебрист —
Ветер спешит за мной.
Крыши нарядных изб
Выбелены луной.

Маленький городок —
Чуть покрупней села,
Мало к тебе дорог —
Много в тебе тепла!

ВЕЧЕРНИЙ АВТОБУС

Автобус вечерний.
Маршрут двадцать пятый.
За окнами тени
Деревьев распятых.

И музыки громкой,
Попсовой, блатной,
Любимой народом,
Разносится вой.

Мелькание курток,
Плащей и пальто,
И не улыбнётся
Друг другу никто.

Бьёт дождь по стеклу,
Упоенье дая.
Представить нельзя,
Что конец декабря.

Какой Новый год?
Тут Венецией веет.

Б И ветер влетает
В открытые двери.

Эх, как бы рвануть бы
Из этих широт
В открытое море,
И полный вперед!

Пусть к дальним автобус
Несёт берегам,
На Северный полюс,
Навстречу снегам!

**Однажды реки
повернутся вспять**

Посвящается моей маме

Однажды реки повернутся вспять,
Переборов течение любое.
Борьба за жизнь...
Здесь силы не отнять.
Мне на чужбине не найти покоя.

Плыву назад, на берег мой родной,

Где отчий дом и на крылечке мама
Зовёт меня и машет мне рукой.
С течением борюсь,
плыву упрямо.

Свет маминой улыбки близко так,
И запах яблок, посланных из рая.
Но вот несёт река меня во мрак,
Всё дальше,
дальше от родного края.

Река, река, верни меня назад,
Не задуши волной, по крайней мере,
Верни душе душистый райский сад
И вынеси меня на отчий берег!

В плену у ручки и листка

Январь. Четвёртый день подряд
Всё сыпет снежная труха,
И, как песок,

мой белый сад
Одет в роскошные меха.
Треск тараторящих сорок,
Синиц весёлых кутерьма.
Всё манит, тянет за порог
Неугомонная зима.

Эх, зимушка, да я бы рад,
Сейчас до рожицы пешком...
Мой черновик похож на сад,
Ещё не тронутый снежком.
Четвёртый день идут стихи,
И вдохновенье не унять.
Они отважны и лихи.
Когда утихнут?

Если б знать!
На ошалелый телефон
Не поднимается рука.
Я вдохновеньем опьянён,
В плену у ручки и листка!

Мне памятни глаза,
Наполненные страхом.
Померкшая слеза
Скрывала бездну мрака.

Он дальше побежал,
Обиженный и жалкий,

Литературное объединение
«Алый цвет»

ДОНЕЦ Валерия Владимировна родилась 28 апреля 1996 года в посёлке Жаксы Жаксынского района Казахстана. Стихи начала писать в 9 лет, но осознанно к творчеству стала относиться с 15 лет. Работает экономистом. Публиковалась во всероссийском журнале поэзии и прозы «Арина» (Нижний Новгород), в Аксаковском альманахе «Алый цвет», в «Общеписательской литературной газете» (Москва). Автор книги «Взлетая в поднебесье».

ОБРЕТАЕШЬ ВДОХНОВЕНЬЕ В НЕЗДЕШНИХ МИРАХ...

Спасения искал
От человека с палкой.

Он был рождён щенком
Без рода и без дома,
Воспитан был пинком...
Как это всё знакомо!

...Каким идём путём,
Что стало с этим миром?

Мы Бога предаём
И молимся кумирам.

Дым

Вдохну печально едкий дым,
А раньше, милый, не курила.
Солгу заботливым родным,
При этом улыбаясь мило.

Валерия Донец «Обретаешь вдохновенье в нездешних мирах...»

▲ Как уголь в ласковой золе,
И не вини меня за это,
Я гасну искоркой во мгле,
И некого призвать к ответу.

А в голове вопрос один —
Кто горевать меня заставил?
Вдыхаю с грустью едкий дым
И в сотый раз живу без правил.

К чёрту сожаления,
 что было, то прошло,
Отбросьте все сомнения
 завистникам назло.
По ветру грусть развеется,
 боль унесёт вода,
И горе переменится,
 забудется беда.
Возможно, было сделано
 когда-то всё не так.
И молодо, и зелено,
 и полный кавардак.

Жизнь наша — штука зыбкая,
Но не грусти всерьёз.
Смотри на мир с улыбкою
Сквозь опыт горьких слёз.

Не сердитесь, люди, очень,
Что сидит на крыше кошка.
На дворе ведь холод, осень,
Ей погреться б
 на окошке.
Разве вам её не жалко?
У неё во рту
 ни крошки.
Затопите печку жарко —
Пусть погрееется немножко.

Тёмный лес в тишине.
Стаи птиц в вышине.
Старый дуб спит в тени,
Видит сладкие сны.

Погрузились в спячку ели,
Птицы песнь свою допели.
Скоро тени оживут,
Все восхода солнца ждут.

Ты катилась с горы, молодая.
Ветер волосы девичьи рвал,
И не верила ты, что, рыдая,
Встретишь скоро
 ты в бездну провал.

Показалось, что крылья раскинув,
Словно вольная птица, взлетишь,
Но мечтанья,
 предательски сгинув,
Отзвенели сосульками с крыш.

Одинокая, ты замерзаешь,
Позабыла о прежних мечтах,
Обречённая,
 ты обретаешь
Вдохновенье в нездешних мирах.

Поэт — одинокий странник.
Далёкий
от живых эмоций.
Любви вдохновенный данник,
Расцелованный солнцем.

Что ему
живая правда?
Что ему громкое имя?
Ему так немного надо.
Но он окружён
чужими.

Кандалники друг у друга,
Все мы друг другу чужие.
А с покаянием туго...
Кому нужны мы такие?

Все мы в толпе – одиночки,
Знакомые незнакомцы.
Слагаем грустные строчки,
Что зацелованы солнцем.

Порой бывает очень больно...
Да, очень больно — от любви.
Хочу сказать себе: довольно!
Ну, перестань страдать, живи!

Порой бывает
очень грустно.
Такая пустота в груди,
И вдохновляющего чувства
Совсем не видишь впереди...

Чего порою
не бывает!
Чего на свете только нет.
Меня стихами утешает
Всю ночь классический поэт.

Он лечит боль
мою любовью
Своих лирических стихов.
И том его у изголовья
В любой момент помочь готов.

Валерия Донец «Обретаешь вдохновенье в нездешних мирах...»

Ты найдёшь меня
в третьей палате,
Я не буду бежать
обниматься.
Я себя приковала к кровати,
Чтобы смерти уже
не бояться.

Не обидно,
не больно, не страшно...
Отсмеялась я и отрыдалась.
Койко-место
в больнице и кашель —
Вот что мне
в этой жизни осталось.

Не жалею меня,
милой, довольно.
Я в своих эмпиреях витаю...
Пусть я участи
лучшей достойна,
Но с улыбкою жизнь принимаю...

Отец мой, Заборов Михаил Борисович, родом из Тверской области. В их семье было шестеро детей: три мальчика и три девочки. Папа был пятым ребёнком, его сестра Нина –

ДВА КАПИТАНА

Памяти моих родителей, ветеранов Великой Отечественной войны, капитанов медицинской службы

шестым. Знаю, что мой дед был мастером-скорняком. Он занимался выделкой кож, а бабушка ему помогала. Может быть, за то, что он был кустарём, может, кто-то донёс, но его осудили на 5 лет. Бабушка писала письма в разные инстанции, что он не виновен, что у него большая семья. Одно из них попало к Енукидзе, и деда досрочно освободили. Хотя прожил он после этого недолго: выпавшие

*Гость
альманаха*

ЗАБОРОВА Тамара родилась в городе Лениногорске Восточно-Казахстанской области в семье военных медиков. В детстве вместе с родителями провела несколько лет на крупнейшем из Курильских островов – Итурупе. Эти годы оставили яркий след в памяти на всю жизнь. Закончила физико-математический факультет университета и аспирантуру. Преподавала в вузах. Имеет многочисленные публикации, связанные с научной и преподавательской деятельностью. Живёт в Украине.

на его долю испытания и тяжёлые работы на лесоповале не прошли бесследно.

После ареста мужа вся забота о семье легла на плечи моей бабушки Веры. Чтобы не пойти по миру, ей пришлось передать младших детей на попечение дальних родственников. Так папа оказался в семье своей тётки. Рассказывал, что тётка была скуповатой: папа голодал. Например, намажет своему сыну кусок хлеба маслом, а потом этот же нож просто вытрет о другой

ломоть и протягивает папе: «Бери, Мишка!» Папа говорит, что приходилось добывать себе еду и таким нехитрым способом: выдернет с грядки морковку, оботрёт её кое-как и съест. А иногда в курятнике он находил яйца, ещё не обнаруженные тёткой. Вспоминал папа, как он тогда сильно заболел: была такая высокая температура, что он бредил. И вот то ли в бреду, то ли наяву он видит своего отца. Тот берёт его на руки и относит домой. К счастью, это было на самом деле. Дед тогда вернулся из заключения и первым делом бросился за сыном. Фактически он спас моего отца, так как мальчишка был очень плох...

Постепенно жизнь наладилась. Учёба в школе отцу давалась легко, так что в свободное время можно было и порыбачить на речке, и заняться чтением. А ещё он самостоятельно освоил игру на балалайке, баяне и аккордеоне. Условий и возможности учиться музыке иначе попросту не было.

После школы поступил в Свердловское военно-медицинское училище. Сохранилась пожелтевшая фотография от 5 мая 1941 года. Юный папа и его однокурсники. Наверху – надпись «Привет отличникам учёбы!». Ниже размещены фотографии преподавателей и молодых выпускников в форме, с офицерскими ремнями через правое плечо.

С первого дня войны отец – на фронте. Служил военфельдшером, выносил раненых с поля боя, доставлял их в госпиталь. Никогда не рассказывал о своих фронтовых буднях, хотя и признавался, что помнит каждый день войны. Но однажды мой муж стал его расспрашивать, и я стала свидетелем скурых воспоминаний о Курской битве: «Стояло жаркое лето 1943 года, землю сотрясали взрывы и грохот от тысяч танков, в воздухе стояло облако из пыли и марева. А началу битвы предшествовала мощнейшая артподготовка...» Запомнила ещё, что отец с горечью говорил о погибших однополчанах. Курская битва была величайшим танковым сражением Великой Отечественной войны, после которого враг уже не оправился...

А боевой путь отца продолжался: он принимал участие в грандиозной по своим масштабам Корсунь-Шевченковской операции, в освобождении Украины и Молдавии. В числе первых их дивизия пересекла границу с Румынией, где брали Яссы и Рымник – тот самый, суворовский. Затем освобождали Венгрию, заходили в Чехословакию и вновь возвращались в Венгрию, где в марте сорок пятого у озера Балатон им довелось вновь, как и в Курской битве, столкнуться с яростным натиском эсэсовских танковых дивизий. Но и в этом сражении враг был опрокинут, а наши войска продолжили идти вперёд...

День Победы отец встретил в австрийском городе Граце. Чудом было то, что он выжил, так как потери среди медработников были колоссальные. Хотя и был тяжело ранен в голову. Спустя годы врачебная комиссия установила, что его «гипертония» — это следствие того ранения, и признала, что он – инвалид войны! А он всю жизнь трудился, даже будучи пенсионером по возрасту, не выпрашивая льгот и статусов! Папа рассказывал, что 3-ю группу инвалидности ему присвоили навскидку, без существенного обследования. А вот после дополнительного обследования обещали дать 2-ю группу. Но папа не успел. Сначала всё откладывал, а потом его не стало...

Будучи необыкновенно скромным человеком, он не рассказывал даже о том, за что он был награждён боевыми орденами и медалями. И только через 20 лет после его смерти, когда стал доступен сайт Министерства обороны, я узнала, за какие подвиги (там именно это слово фигурирует!) он был удостоен этих наград. Первую награду отец получил в 19 лет. Приведу описание его личного боевого подвига (архив МО).

«В/фельдшер Заборов участвовал в боях с 17.06 по 28.06 и с 29.07 по 21 августа 1942 года. Во время этих боёв т. Заборов показал себя как преданный делу партии Ленина и Сталина, любящий и знающий своё дело командир. Он все свои силы отдавал на то, чтобы оказать лучшую медицинскую помощь

раненым бойцам и командирам. За период этих боёв в/фельдшер Заборов оказал медицинскую помощь более 500 раненым бойцам и командирам. Все раненые, получившие у него помощь, тепло отзываются о заботливом в/фельдшере Заборове. Т. Заборов вполне достоин правительственной награды «Медаль за боевые заслуги».

Потом будут ещё награды, в том числе ордена.

Орден Красной Звезды (звание: лейтенант мед. службы; в РККА с 1941; № записи 33629210) (из материалов архива МО).

«Подвиг: тов. Заборов в боях с немецкими захватчиками проявил смелость, бесстрашие и упорство в порученной работе. В боях с 1 — 10 июня он оказал помощь 300 раненым бойцам и командирам и своевременно эвакуировал их в санчасть полка. Обслуживая раненых своего батальона, он одновременно оказал первую помощь многим бойцам второго соседнего батальона, эвакуировав их в санчасть...»

Орден Отечественной войны 2-й степени (№ записи 42305937, архив МО).

«Подвиг: При прорыве обороны противника в районе дер. Берлешти Ербиченей (Румыния) 20 — 21 августа 1944 года и дальнейшем его преследовании тов. Заборов показал исключительную смелость, энергию

и неутомимость в работе. Только 20 августа он оказал первую помощь 83 бойцам и офицерам и эвакуировал их на ПМП. 21 августа он лично под сильным артиллерийско-миномётным огнём противника во время штурма позиций противника на высоте 192 вынес с поля боя 3 раненых офицеров и 5 красноармейцев, оказал им первую помощь и эвакуировал на ПМП.

В этом бою совместно с двумя санитарями он наткнулся на группу немецких солдат, в количестве 6 человек, которые вели огонь из пулемёта по нашей пехоте. Не растерявшись, тов. Заборов со своими санитарями подполз к немцам, двумя гранатами и огнём из автомата был уничтожен весь расчёт противника...»

Несколько эпизодов из фронтовых будней папы описаны в книге его однополчанина Ю.Ф. Стрехнина «В степи опалённой», посвящённой Курской битве. Эта книга, подаренная автором отцу, сейчас хранится в моей домашней библиотеке. Помню ещё, что у родителей была небольшая фотография Юрия Фёдоровича. Надпись на ней я запомнила: «Другу Заборову на память о совместных походах. Район Будапешта. 1945 г.»

А вот и упомянутые эпизоды из книги:

«...Ночной марш. Темень... Сзади доносятся звуки баяна. Это играет наш батальонный фельдшер Миша Заборов, с которым мы успели подружиться, — черноволосый и черноглазый, первый красавец

батальона. Родом он из Андреаполя, в его городе сейчас немцы. Миша уже давно ничего не знает о родных и очень тревожится о них. Он считает, что в блокаде тяжелее, чем на фронте. Миша моложе меня, но он уже обстрелянный фронтовик, и это побуждает меня относиться к нему с соответствующим уважением: я-то ещё пороха не нюхал...»

«...Вновь негромко наигрывает баян Заборова. Весели, Миша, честной народ, чтобы меньше спать хотелось, чтобы незаметнее уходила назад дорога! Проходя мимо, вижу: Миша идёт в середине колонны, в интервале между двумя взводами, и самозабвенно играет, чуть наклонив голову. Баян – штука нелёгкая, и комбат, дабы бодрящая музыка не сникла ввиду усталости исполнителя, сказал Мише, чтобы он, если уж станет не вмоготу, сядил бы на повозку или на передок рядом с ездовым и продолжал играть. Но Миша стойчески держится – не спешит воспользоваться комбатовской льготой...»

Пробираясь на КП батальона, Ю.Ф. наткнулся на раненого радиста... Несмотря на ранение, тот потребовал разыскать рацию («он за неё отвечает!») и выключить её, чтобы не разрядилась батарея... Вложив ему в руку «нитку» (провод) и наказав не выпускать её, Ю.Ф. бросился бежать за медиками. Добравшись до КП, он потребовал срочно санитаров.

«...Через 5—6 минут я с двумя солдатами, один из которых нёс носилки, и с батальонным фельдшером Заборовым, моим приятелем ещё с тех дней, когда я служил в батальоне, бежал обратно, снова ориентируясь по «нитке». Капли дождя падали на наши разгорячённые лица.

Вот мы и добежали. Радист лежал возле провода, но не держась за него.

— Скорее, Миша! – торопил я Заборова. Он опустился возле раненого, смахнув с бедра толстую, набитую бинтами сумку, склонился, что-то делая обеими руками.

— Пульса нет! – Заборов поднялся. – Напрасно спешили...

«Это я виноват, я! – жёстко сказал я себе. – Долго провозился! И на то, чтобы принести рацию, потратил какие-то минуты. Может быть, этих самых минут не хватило...»

И только теперь я заметил, что зелёный огонёк рации снова светит. Значит, в самые последние мгновения радист снова включил её? Зачем?»

Прошло много лет, а Ю.Ф. не мог забыть этого молоденького радиста, прошитого насквозь осколками, истекающего кровью, которого он не смог спасти...

А папа, постоянно находясь на передовой, сталкивался со смертью каждый день от начала до конца войны! И всё это он помнил и носил в себе. Но не стал мизантропом: был необыкновенно добрым, открытым человеком.

МАМА

Моя мама, Семёнова Екатерина Сергеевна, родилась в Сибири. Была она четвёртым ребёнком в семье, всего же детей было шестеро.

Семья жила скромно, поэтому неудивительно, что самым заветным желанием в детстве, по словам мамы, было... заболеть! Ведь тогда и только тогда можно было полакомиться малиновым вареньем!

Любовь к чтению у мамы возникла не случайно. Её мать, моя бабушка Прасковья Гавриловна, много читала. А ещё в городе, где они тогда жили, многие владельцы хороших личных библиотек охотно давали читать свои книги всем желающим. Мама мне рассказывала, что она не могла упустить такую возможность. Она вообще не мыслила жизнь без книги. Годы спустя, когда мы оказались в разных городах, редкое письмо, полученное от неё, не содержало рассказа о прочитанной книге или журнальной новинке.

Своей тягой к чтению я именно ей обязана. Она не раз советовала прочесть ту или иную книгу, познакомиться с тем или иным автором.

Своего рода игра была у нас, когда я стала школьницей. Помнится, упражнения по русскому языку составляли из предложений, взятых из книг разных писателей. А в скобках после каждого предложения была ссылка на источник. Я читаю предложение, а мама безошибочно называет автора! Она досконально знала не только отечественных писателей. Круг её интересов простирался очень широко. К тому же у неё было чутьё на хорошие книги! Читала она также всю жизнь медицинскую литературу. Выписывала «Терапевтический архив» и «Врачебное дело». Изучала новые препараты, овладевала новыми специализациями: углублённо освоила пульмонологию и кардиографию. Это она на своём примере показала, что учиться надо всю жизнь!...

Мама была особенно дружна с братом Александром (в семье его называли Шуркой). Он был на два года её младше, но это не мешало ему решать старшей сестре задачи по математике. У него были исключительные способности. Тётушка Анна Сергеевна прислала мне его аттестат зрелости — только отличные оценки! А ещё там же было написано, что «НА ОСНОВАНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР И ЦЕНТРАЛЬНОГО

КОМИТЕТА ВКП(б) от 3.09.1935 Семёнов Александр Сергеевич ПОЛЬЗУЕТСЯ ПРАВОМ ПОСТУПЛЕНИЯ В ВЫСШУЮ ШКОЛУ БЕЗ ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНОВ».

Кто знает, кем бы стал Шурка, если бы не война! Он пропал без вести в 19 лет! В архиве МО об этом есть запись. Был призван в армию в декабре 1940 года. Последнее место службы – Краснодарское объединённое авиационное училище. Сержант. Воевал, погиб при выполнении боевого задания в районе Керчи 16.11.41. От мамы слышала, что его самолёт упал в море...

После школы мама поступила в медицинский институт в Алма-Ате. Учиться было нелегко: началась война, было голодно. Разве что яблок было вволю. И никаких каникул, никаких выходных! Учебный процесс был интенсифицирован, полный курс обучения освоен в сжатые сроки. Единственное, что могли студенты себе позволить, – побывать иногда в театрах, которые были эвакуированы в Алма-Ату из столицы. Так маме посчастливилось увидеть на сцене легендарных балерин – Уланову и Лепешинскую...

По окончании института маму направили в Ульяновск на Курсы усовершенствования медицинских сестёр, а оттуда – на фронт. Маме был тогда 21 год. На общем снимке, выполненном по окончании курсов,

мама уже в военной форме, с пилоткой на голове. «С фронтовым приветом» — так она подписала позже маленькую фотографию, присланную в 1942 году уже с фронта. Служить ей довелось в полевом госпитале. Рассказывала мама о службе мало и неохотно. Насмотрелась и на ранения разной степени тяжести, и на оторванные взрывом конечности, и на развороченные внутренности... Могли привезти раненых, одежда которых кишела вшами — такую одежду уничтожали. Кстати, мама всю войну коротко стригла волосы и возила с собой частый костяной гребень, чтобы исключить заражение педикулёзом. Помногу сдавала кровь, спасая тех, кто пострадал от сильной кровопотери.

Я поняла, насколько тяжело даются воспоминания о войне, когда однажды уговорила маму поделиться ими. Почему-то ей вспомнился тёплый солнечный день. Было спокойно, они с коллегой, такой же девчонкой, как она, постирали в речке какие-то платочки, разложили их сушиться на траве, а сами присели рядом... Немецкий самолёт появился внезапно, летел низко, на бреющем полёте. Раздались выстрелы. Маму контузило, засыпало землёй. А когда её откопали и она пришла в себя, то увидела, как из-под земли рядом проступает кровь: мамина подруга погибла... Больше она не смогла говорить и расплакалась. А я зареклась расспрашивать её о войне...

Но кое-что она всё же рассказывала своей матери и младшей сестре, Анне Сергеевне, когда перед моим появлением на свет приехала в Лениногорск. Передаю слово Анне Сергеевне: «...Миша и Катя познакомились на фронте, но не всегда находились вместе, рядом. Однажды при встрече Миша подарил Кате флакон духов. Она рассказывала, что всегда носила его в кармане шинели, при себе. Через какое-то время получилось так, что их госпиталь атаковали немцы: стрельба, крики... Катя говорит: «Вышла я на улицу из госпиталя, села на большой камень, взяла из шинели флакон духов, открыла и одной рукой держу пистолет наготове (как будут подбегать немцы, не дамся живой), а другой рукой вылила из флакона все духи на шинель (всё равно уже не пригодятся). И вдруг слышу: «Танки, танки». Это прорвались наши танки. Немцы разбежались...»

А вот ещё один случай из фронтовой жизни мамы, о котором Анна Сергеевна узнала, когда мы маму хоронили. Его рассказал ей однополчанин мамы, служивший с ней вместе в полевом госпитале, Алим Алиев (мама говорила, что настоящее имя у него — Али-ага Али-оглы). Родом он из Азербайджана. Замечательный, очень сердечный, добрый, стройный и красивый человек. Не знаю, жив ли он сейчас. Мама умерла в 1984 году. Он был старше её. Вот рассказ Алима:

«Тогда наша медсанчасть располагалась в большом одноэтажном доме с пустыми проёмами вместо

дверей и окон. Как обычно, прибывали раненые бойцы: кто сам, кого привозили санитары на повозке, запряжённой лошастью. И тут начался страшный артобстрел: гул, взрывы, кругом дым... Санитары и врачи, боясь прямого попадания в дом, разместили раненых под стеной, противоположной стрельбе. Идёт бой, и вдруг видим: подъехала повозка к дому, на ней лежит раненый без движения. Лошадь сама пришла к медпункту (наверное, не раз привозила туда раненых), а никого на повозке больше нет. То есть солдат, который возил раненых, убит. И вдруг в выбитое окно бросилась к этой повозке Катя. Я изо всех сил кричу ей: «Ложись! Ложись!» А она не слышит и бегом, во весь рост, бросилась к раненому, стащила с повозки и волоком затащила его в дом...

Я её ругал. И ведь не убило...»

Анна Сергеевна добавила, что он много раз повторял: «Не убило тогда. Почему она умерла сейчас. Нет войны». Её этот эпизод поразил и врезался ей в память так, словно этот разговор был вчера...

Когда маму хоронили, я слышала, что многие говорили о том, как много людей она спасла. Ещё (мама никогда об этом не говорила сама), оказывается, она работала на фронте хирургом. Эта девочка, которой было чуть больше 20 лет, была, как и папа, капитаном медицинской службы!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я привела только несколько эпизодов из фронтовых будней родителей. И не все награды упомянула – есть многие другие. В их числе Орден Отечественной войны первой степени, медаль «За победу над Германией»... Редкая семья в годы войны обошлась без потерь. Наша семья – не исключение: пропали без вести братья мамы и папы. Об этом есть информация в архиве МО. Про брата мамы я писала, а брат отца, Ефим, служил в морской пехоте, пропал без вести во время боёв на Невском пятачке.

На долю же тех, кто остался в живых, выпали тяжёлые испытания и подорванное здоровье. Брат отца, Николай, был военным фотокорреспондентом, воевал в составе 33-й армии генерал-лейтенанта Ефремова. Оказался в плену. Был узником трёх концлагерей. Удалось выжить. В мирное время жил и работал в Москве. Два брата мамы, Пётр и Николай, вернулись с войны инвалидами.

Война – худшее из зол, несущее боль, горе, потери. Сейчас всех, о ком был рассказ, нет в живых. Но благодарная память о поколении победителей остаётся с нами.

Я становлюсь
 с годами осторожней,
 Привычку притормаживать взяла.
 Но если время
 повернуть возможно,
 Я б сбросила приличий удила!

О, как же мне полёта не хватает,
 Как не хватает вольности душе!..

Литературное объединение
 «Алый цвет»

КУБАЕВСКАЯ Елена Даниловна — врач по профессии.
 Печаталась в альманахах «Гостинный двор», Аксаковский альманах «Алый цвет», всероссийском журнале поэзии и прозы «Арина», периодике. Автор поэтического сборника «Степянка» (Санкт-Петербург, 2020 г.).

ПОЛЁТ БЕЗ ГРАНИЦ

Ждать не по мне, когда мечта растает...
 Уж лучше риск,
 но в звёздном кураже!

Дуринки мне бы,
 малость бесшабашной,
 Чтоб в мыслях всё
 смешалось кувырком...
 Чтоб, не оглядываясь
 в день вчерашний,
 Привычный мир
 перевернуть вверх дном.

Поэту своеволие –
 законно,

Когда слова взмывают выше птиц...
 К чертям пошлю
 препоны и резоны!
 И полечу, не ведая границ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Разметавшись по планете
 Неоглядностью дорог,
 Свищет-рыщет вольный ветер,
 Хлещет вдоль и поперёк.

То метелью
 завывает –

Не найдёшь родной порог,
То песками засыпает
Откровения эпох...

Высоко волну вздымает,
Флаги рвёт и паруса...
И, веками помыкая,
Всем пускает пыль в глаза...

Ветер — бес непостоянства,
Дерзкий вестник перемен —
Время множит на пространство
И покой берёт взамен.

Треплет волосы влюблённо
Тем, кто спорить с ним готов,
Окликает поимённо...
Откликается на зов...

Им, романтикам извечным,
С вольным ветром — благодать...
Что покой...
Дорогой Млечной
До звезды рукой подать!

*Медицинским работникам,
погибшим во время
эпидемии, посвящается.*

Я врач. Я пал в бою за вас
С врагом всесильным.
Не надо благодарных фраз —
Они бессильны.

Теперь с тоской смотрю с небес,
Как в страхе адском,
Вы чуда ждёте из чудес,
Но вы — не в сказке...

Жизнь человечья — суета,
Игра без правил,
И выжить шанс один из ста
Господь оставил.

Где добрый доктор Айболит?..
Он здесь, на страже.
От всех недугов исцелит
И смерти даже.

Он снова жизнь вернёт тебе —
Не первый случай.
Он должен всем, всегда, везде —
Он так обучен.

Он жизнью рисковал не раз,
Всё не упомнишь...
И в этот раз, в который раз,
Пришёл на помощь.

Больного вновь прикрыл собой
Врач — ангел в белом...
И выиграл последний бой
Души и тела.

ЛИМОН

Судьба преподнесла лимон,
Хоть я ждала медовой браги...
...И покатила под уклон
Мечта, наперсница отваги.

Подарком
злым удручена...

Пока обида не утихла,
Умчались прочь покой и сон...
За что судьба со мной так лихо?!

...Воздвигла замок на песке,
Лелея сказку дни и ночи,
И вот, поди ж —
лимон тебе!
Живи и делай с ним что хочешь.

И это был не тот лимон,
О чём подумать
мог читатель.
В дензнаки
он не воплощён,
О коих грезит обыватель.

Я приняла судьбы урок!..
Не мучаясь покорно жаждой,
Я из лимона выжму сок,
Чтоб сделать лимонад однажды.

...Как сладость жизни оценить,
Когда ты горечь не изведал?..

Чтоб лимонад
с шампанским пить,
Гордьясь заслуженной победой!

ЖЕНСКОЕ КОВАРСТВО

Зовущая походка от бедра
Невольные притягивает взгляды.
Ах, мамочка!.. Как ты была права:
Искусству соблазнять
учиться надо.

Брижит Бардо, иль Мэрилин Монро,
Или сама Наталья Гончарова —
Мужскому сердцу,
право, всё равно —
Стан грациозный
манит вновь и снова...

...Плеч обнажённых
плавный поворот
И дерзко вскинутая
вверх головка...
Фантазии мужские уведёт,
Куда захочет, милая плутовка.

А взор из-под опущенных ресниц?
Сверкнёт, скользя
с лукавым
любопытством...

В нём жизнь и страсть
без края и границ,
Сокрытая до времени, таится.

Она встревожит сердце не одно,
Сколь дерзок взгляд,
и столь же он обманчив.

«Попутал бес»
иль «бес ему в ребро»,
Но муж седой влюбляется
как мальчик.

Тут женское коварство
ни при чём,
Во всём виновна
женская природа!
Как мы ещё
мужчину привлечём
К святому делу
продолженья рода?..

Россиюшка-императрица,
Ты поступишь твёрдой идёшь.
Двуглавая зоркая птица,
Вовек от врагов не падёшь.
Пусть злобно шумят супостаты,
Штурмуя границы твои,

*Литературное объединение
«Алый цвет»*

КУЗЕМЦЕВА Олеся Наильевна — автор публикаций во всероссийском альманахе иронической поэзии «Русский смех» (Нижний Новгород), во всероссийском журнале «Арина» (Нижний Новгород), в «Общеписательской литературной газете» (Москва), в «Аксаковском альманахе» (Оренбург), во всероссийском электронном журнале «Literra» (Москва). Автор поэтического сборника «В объятьях тишины». Член Оренбургского областного литобъединения имени Аксакова «Алый цвет».

УЖ ЕСЛИ ЖИТЬ, ТАК В НЕБЕСАХ ЛЕТАТЬ!

Не спят в карауле солдаты,
Взыскуя монаршей любви.
Хоть ты и бываешь строптивой,
Твои не покину края.
Россия, Россия, Россия,
Ты Амператрица моя!

Не тот запал,
и вялый слог хромает,

Ты утонул в житейской суете.
Быть может, у тебя судьба такая –
Печалька о несбывшейся мечте?
Ты смолоду вкусил
 пьянящей славы,
Вошёл в элиту творческих кругов.
Ты на руинах преданной державы
Писал немало пафосных стихов.
Без Родины, без флага, без печали,
Войдя во вкус интриг и авантюры,

Олеся Куземцева «Уж если жить, так в небесах летать!»

Когда тебя в темницу заключали,
 Себе настриг немало ты купюр.
 Но годы шли, и вот твоя свобода,
 Вернулся ты в осиротелый дом.
 Себя считавший голосом народа,
 Ты стал забытым злобным стариком.

Не смейте прыгать выше головы,
 Побойтесь
 непредвиденной ошибки!
 Как только воспарите к небу вы,
 Вмиг расцветут
 злорадные улыбки.
 Чтоб выскочкой надменной
 не прослыть
 (Ведь их не любят,
 будем откровенны),
 Стараться всех
 во всём опередить –
 Залог проклятья
 обществом надменным.
 Но ни к чему наивных вразумлять –
 Романтики не терпят назиданий.

Уж коли жить,
 так в небесах летать,
 На меньшее
 не нужно притязаний!

Проснулся – на календаре
 опять Восьмое марта.
 Надену праздничный костюм,
 куплю большой букет.
 Что мне любимой подарить?
 Не скалку и не фартук,
 Не сковородку, не духи,
 а на балет билет!
 А впрочем, ни к чему балет,
 она не любит танцы.
 Моя любимая жена
 не тем увлечена.
 Она находится в плену
 лирических субстанций
 И только Пушкину
 и мне пожизненно верна.
 О предпочтениях
 своих не вымолвит ни слова,

Придётся мне мечту её
 прочесть в её глазах.
 Куплю любимой бриллиант,
 сварганю милой плова,
 Сентиментальные слова
 спущу на тормозах.

Он свой в кругах вельможных дам
 И respectableных господ.
 Снуёт прислуга тут и там:
 В поместье свадебка грядёт.
 Он тоже принял чинный вид:
 Щегольский примеряет фрак,
 Помада в волосах блестит...
 А кто жених? Да он, дурак!
 На мезальянс он променял
 Свою свободу и судьбу...
 Среди маркитантов и менял
 Нарушил строгое табу.
 Невесту приведут ему,
 Ведь он теперь безвольный раб.
 И ведь не спросишь, почему
 Немал невестушкин масштаб!

Коль убежишь – несдобровать,
 Кинжальный у охраны взгляд.
 И толку ноль себя терзать,
 Ведь слово не возьмёшь назад.
 Невесту видит в первый раз.
 Она ему: «Моншер, ты мой!
 Не прячь своих влюблённых глаз:
 Мы славно заживём с тобой» –
 «Мадам, я должен вам сказать,
 У вас срок годности истёк.
 А мне всего лишь двадцать пять,
 Я вовсе юный паренёк!» –
 «Ах, вон ты как запел, наглец,
 А пьяный был вчера – герой!
 Предпочитаешь, мой юнец,
 Чтоб стала я сейчас вдовой?»
 Мне жалко горе-жениха,
 Стубил себя в расцвете сил.
 Ведь недалече от греха,
 Коль алкоголя пригубил.

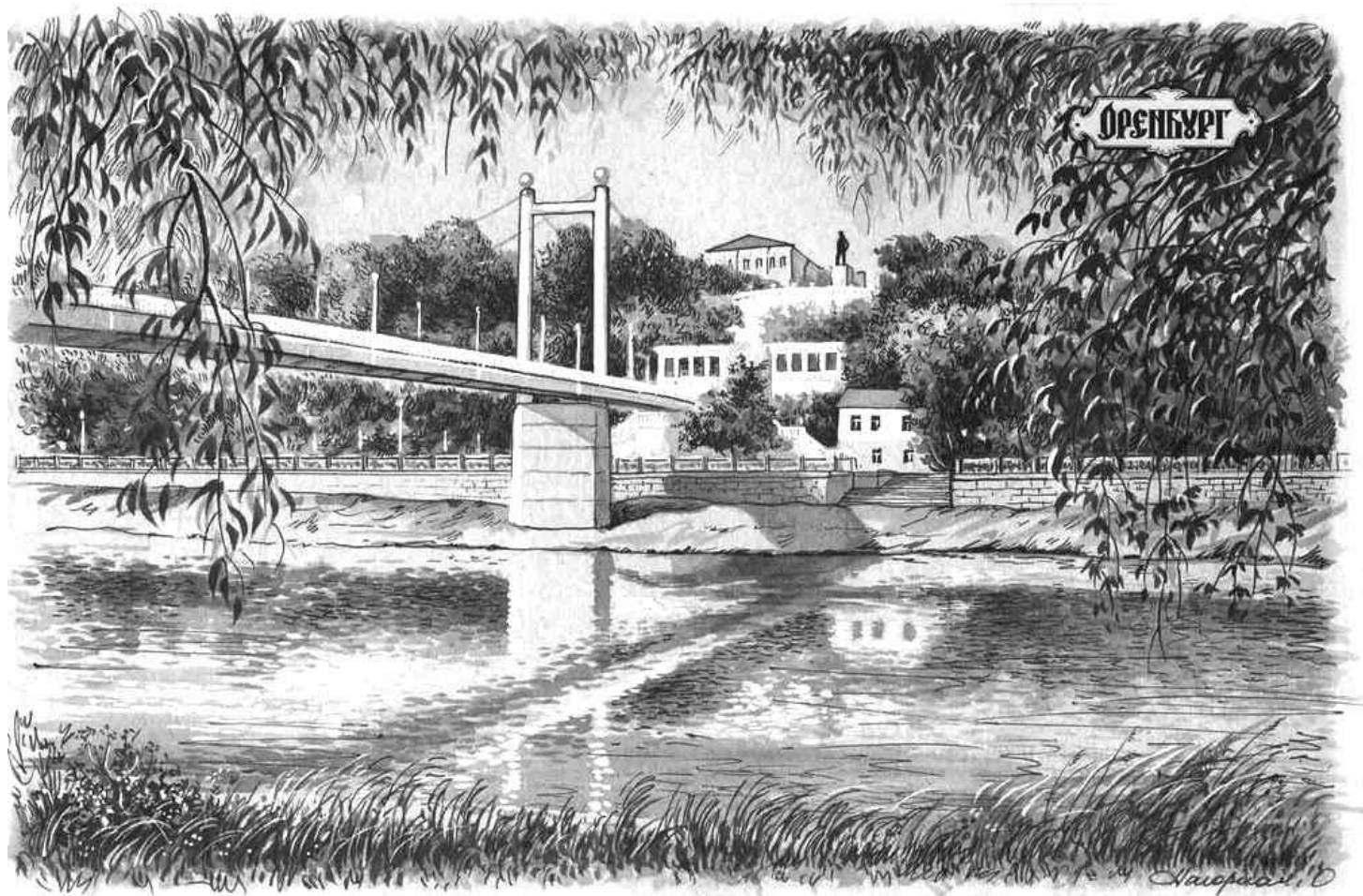
Могла ты вести
 за собою полмира –

Не всякий правитель к такому готов,
 Ты из короля сотворила кумира
 И вечно одна среди полчищ врагов.
 Среди злобных наветов,
 безумства, коварства
 Толпе непонятно,
 кто прав, а кто лжёт.
 Смиренье твоё
 закипает бунтарством
 И в бой за свободу народа ведёт.
 Ты стала надеждой,
 неожиданной, незваной,
 Хоть Франция чайньем чуда жила.
 Не горькой напрасною жертвой,
 ты, Жанна, –
 Ты огненным ангелом в небо ушла.

Людские жизни уносила,
 И ненавидела любовь,
 И на несчётные могилы
 Ты щедро проливала кровь.
 Ты вся – исчадьё бесовщины,
 Ты в саван облачаешь всех.

Пред неизбежную кончиной
 Всяк слышит твой зловещий смех.
 Но ты – не чадо Люцифера,
 Ведь ты людьми порождена.
 Где есть Любовь, Надежда, Вера,
 Бессильна даже ты, Война.

*Мы сегодня никого не расстреляли,
 Но не баловались мы панацеями,
 Будто звезды лунной простоты.
 Полюбили ли себя,
 ты прекрасна!
 Мы сегодня не били не бились,
 Но сегодня тревожи тревожили.
 И судьба не даёт обиды
 Далеким и близким возлюбленным.
 Не торопись пустыми не бились,
 Что любовь не вовек дорога
 Мы единственные, не угнетены,
 Мы секретом летим ввысь.
 * Анна Кузнецова **

Говорят мне, что бывают
Дед Морозы лишь во сне.
Кто ж такой, и сам не знаю,
Приходил вчера ко мне?
Это истинная
 правда,
А не каверзная ложь.

Я НЕ БОЮСЬ ВЫСОТЫ!

Он усатый, бородатый
И на папочку похож!

Ангел мой!
 Держи меня покрепче,
Я устала плакать, горевать.
Руку дай,
 мне сразу станет легче.
Так устала я
 родных терять!

Гость
альманаха

КУРЯКОВА Наталья Анатольевна родилась в 1963 году в посёлке Варегово Ярославской области. В 1974 году переехала в Оренбург, где живёт поныне. С 2012 года посещала семинары «Оренбургская крепость» (руководитель — Владимир Напольнов) в Оренбургском Доме литераторов. В 2012 году печаталась в журнале «Гостиный двор». Помимо любовной и философской лирики пишет стихи для детей.

Жаль, что ангел мой
 меня не слышит,
Может, слишком много я грешу?
Но раздался
 тихий голос свыше:
— Ты не плачь!
 Я рядом, я держу...

*Светлой памяти мужа Вадима
Курякова посвящается...*

За окном спустились тучи,
И к стене прижался лучик,
В доме нет огня.

Наталья Курякова «Я не боюсь высоты!»

К На душе скребутся кошки,
Потерпи ещё немножко,
Вспоминай меня.

Тает вечер в тёмных лужах,
И тебе никто не нужен,
Ты грустишь одна.
Но возможно, счастье рядом
И меня ты ищешь взглядом,
Сидя у окна.

Меркнет свет, сторают свечи,
Ты накинь платок на плечи,
На судьбу не злись.
На душе сегодня тяжело,
Не грусти, не плачь, Наташка!
Лучше улыбнись...

Косым дождём щеки коснись,
Упавшим с высоты.
В ладонь снежинкой опустишь,
Я знаю – это ты.

Крылатым эхом отзовись
Из жуткой пустоты.
В другом обличии вернись,
Я знаю – это ты.

И нипочём мороз любой
Средь вечной суеты,
Когда я знаю: ты со мной!
Со мною рядом – ты!

Кружева лилейной ткани
Заплетают небеса.
Вышла я, как в детстве раннем,
Вновь наивна и боса.
Заплела косу тугую
Разноцветная дуга.
Не ищи себе другую,
Знай, не будет дорога!
Посмотри, как я прекрасна,
Губы – словно цвет зари.
Не люби других напрасно.
Мне надежду подари!

Твоя любовь не по плечу,
Не мне награда.
Тебя забыть я не хочу,
Хоть знаю – надо!

Тебя, мой сокол, отпустить?
Какая мука.
Чтоб стала вороном кружить
тоска-разлука?

Я от себя самой бегу,
Любовь – преграда.
Тебя забыть я не смогу,
Да и не надо!

На плече проснулось счастье,
Ты мне рад или не рад?
Я в твоей сегодня власти,
Словно летом снегопад.
Ты меня поймал руками,

Словно бабочку в сачок...
 Что случилось
 между нами —
 Мы о том с тобой молчок...

Нам с тобою
 в небо не подняться —
 Нам не улететь с тобой на юг.
 Можем мы
 с тобою
 лишь встречаться
 Втайне от друзей
 и от подруг.

«Мой любимый,
 счастья не построишь
 На чужой беде!» —
 твержу опять.
 И когда в любви
 не двое — трое,
 То любви
 счастливой не бывать!

Не хочу тебя от сплетен прятать
 И любовь свою
 от всех скрывать.

Не хочу ночами горько плакать
 И любовь украдкой воровать.
 Жизнь течёт, тихонечко старею,
 Но живу дыханием твоим.
 Право незаконное имею
 На любовь твою по выходным!

Научилась я считать:
 Раз, два, три, четыре, пять.
 Всё, что повстречаю,
 Быстро посчитаю.

Пальчиков на ручке пять,
 Их нетрудно сосчитать.
 Пальцы загибаю,
 Цифру пять я знаю.

Птичек на заборе
 Вижу больше вдвое.

Голову ломаю,
 Как считать, не знаю...

Ты знаешь,
 а я не боюсь высоты,
 Я многое
 в жизни познала.
 Хотела спросить:
 «Не боишься ли ты?»
 Да губы от боли сковало.

Когда-нибудь
 было такое с тобой —
 Заплакать бы —
 слёз не хватает.
 И видеть, как там,
 за холодной чертой,
 Лучистое солнце сгорает.
 Я многое помню
 и многим прощу,
 Пусть холодом
 дышат метели.

Боишься любви? Я тебя отпущу!
А нет? Ну, тогда полетели!

Она была его намного старше,
Чужой родни боялась,
как огня.
Он говорил:
«Да это всё не страшно!
Ты самая родная для меня!»
Когда она по вечерам хандрила,
Он сзади подходил
и обнимал.
Просил её,
чтоб прошлое забыла.
Слезинки с глаз
губами собирал...
Он согревал в руках
её ладони,
Смотрел в глаза
и тихо говорил:

«Никто тебя, любимая,
не тронет.
Я никого
так сильно не любил!»

И пусть твердят:
«Такого не бывает.
Всё это чушь,
распущенность и бред!»
Но с ним она
вновь по ночам летает —
Совсем неважно,
сколько счастьем лет!

Опять зима
холодными снегами
Забалагурит,
вьюгой закружит.
Заговорит
притворными словами,
Знахаркою
седой заворожит.

Застонет,
словно бабка у порога,
Запросится согреться у печи.
Зайдёт ко мне,
посмотрит очень строго,
И мы тихонько
с нею помолчим.
И каждый
о своём захочет плакать —
Зима о том,
что скоро уходить,
А я о том, что
в душу лезет слякоть
И без тебя
не хочется мне жить...

Выпита солнцем
осенняя грусть,
Поступью тихой
идёт по пятам.
Ну не сложилось у нас, ну и пусть!

Мне ль придираюсь
к прощальным словам?

Горькие выводы сделаешь сам,
Я без объятий твоих обойдусь.
Снова за мною идёт по пятам
Злая осенняя гордая грусть...

Давно отзвеневшее лето
Никак позабыть не могу.
Прогулки с тобой до рассвета
В ромашковом
белом лугу.

В лесу мы с тобой плутали,
И был ты то весел, то зол.
Малину с кустов собирали
В мой пёстрый
широкий подол.

Ты ласково мне улыбался,
Нас ветер прохладой поил.

Меня ты под сенью акаций
Малиной с ладони кормил...

Давненько с тобою расстались,
А я всё забыть не могу,
Как сладко с тобой целовались
В ромашковом белом лугу!

Платье новое надела,
Пять минут — и порвала!
Оглянуться не успела,
Как сумела, как смогла?

На меня что ни наденешь,
Всё горит, как на огне.
— Ну когда ты повзрослеешь? —
Говорят родные мне.

Почему меня ругают?
В зеркало взгляделась я.
И зачем меня пугают?
Нет ни дыма, ни огня...

Рябина горькая на вкус,
В ней горечь жизни отдаётся,
А я живу и всё боюсь,
Что встретиться нам не придётся.

Как глубока бывает грусть,
Не привыкать мне ошибаться!
А я живу и всё боюсь
Упасть и больше не подняться.

Порой подступит к сердцу грусть -
В былое не дано вернуться...
Тебя люблю я и боюсь
С тобой навеки разминуться...

Мне сегодня не уснуть,
Мне проспать никак нельзя!
Утром будет трудный путь:
С дедом рвём на карася.
Потому и не ложусь
На любимую кровать —

Знать, без памяти боюсь
Самый первый клёв проспять!
— Место я одно нашёл! —
Подмигнёт лукаво дед.
— Там клюёт так хорошо,
Всем нам хватит на обед...

На куртке сломанный замок.
Гляжу, а у моей калитки
По лужам бегают щенки,
Промокший до последний нитки.
Проходим мокрый нос суёт —
И ждёт капризную удачу.
А может, кто домой возьмёт
Его, судьбу переиначив.
Но люди выбирают путь
Извилистый меж луж кромешных,
Щенка горазды оттолкнуть —
Испачкав об него одежду.
Я куртку с вешалки сняла,
Бегом во двор, вдруг не успею?
Щенка до дома донесла...

А что? Отличная затея!
Пусть дождик зарядил с утра,
Но вновь восторжествует солнце.
Давно уже понять пора —
Добро назад к тебе вернётся!

Так и тянется к варенью
Непослушная рука...
Говорят: «Имей терпенье!

Выпей лучше молока».
Молоко куда полезней,
Мне родные говорят.
От недугов и болезней!
А варенье — сладкий яд...
Не имею я терпенья,
Вот за это и плачу —
За конфеты, за варенье,
За лечение — врачу.

Ты помнишь тот вечер?
Мне было неловко,
Что место для встречи —
Моя остановка.
Утешиться нечем.
Смешная уловка.
В любви быстротечной
Опять остановка.
Любимого речи.
Мои недомолвки.
Нет места для встречи —
Снесли остановку...

МЧИТСЯ ПОЕЗД

Через поле, через речку,
Из далёка-далека
Мчится поезд, дым колечком,
Обгоняя облака.

И пытит, взбираясь в гору,
И бубнит себе под нос:

Литературное объединение
«Алый цвет»

ЛЮБЕНКОВА Ирина Львовна живёт в п. Саракташ Оренбургской области. Отработала 33 года в производственно-техническом отделе Саракташского дорожного управления ГУП «Оренбургремдорстрой». Печаталась в периодических газетных изданиях «Авангард» (Тоцкое), «Пульс дня» (Саракташ) и в коллективных сборниках «Шутка ли...» (Новокузнецк), «Мы открываем истинные лица...» (Пермь), «По тропам строф, и коротко, и длинно...» (Москва), в международных сборниках «Артелен» и «Артелешка» (Киев), «Краски жизни» (Москва), «Новогодние сказки» (Новокузнецк) и в Весеннем номере альманаха «Аксаковский».

БУДУ КОСМОНАВТОМ!

— Буду, буду, буду скоро!
Развесёлый паровоз.

Лихо свистнул
встречный ветер:
— Э-ге-гей! Привет, дружок!
— Э-ге-гей! — ему ответил
Звонкий
радостный гудок.

Где-то ходят по перрону,
Где-то ждут его друзья.
Ну и что, что он лишь поезд,
Без друзей никак нельзя.

Подмигнёт он светофору,
Крикнет: «Эй, привет, Вокзал!
Видишь, дал тебе я фору.
Как всегда, не опоздал!»

Ирина Любенкова «Буду космонавтом!»

▲ НА СНЕГУ СЛЕДЫ СОРОЧЬИ

На снегу следы сорочки,
Как мережка на сорочке.

А цветочки на дорожке
Наследили лапки кошки.

Ямки вдоль завалинки —
Это Вовы валенки!

КОТ ВАСИЛИЙ

Утро. Фонари потухли.
Солнце вышло из-за туч.
Мама надевает туфли,
Достаёт из сумки ключ.

— Я пошла! Вы, кот Василий,
Не шалите без меня.
Взгляд у Васи синий-синий:
— Кто шалил? То был не я!

Я послушный, я хороший,
Я не рыжий — золотой!

Случай на неделе прошлой
Был, но был он не со мной.

Это хвост задел за вазу,
Шторку коготок порвал...
Что случись, так Вася сразу!
Я вот вас не обзывал.

Мама спрятала улыбку:
— Вы, конечно, ни при чём,
Но с аквариумом рыбку
Опрокинул кто плечом?
— Вы мне, право, льстите, мама,
Не такой уж я силач.
Я хочу сказать вам прямо,
Это был футбольный мяч.

Я его чуть тронул лапой,
А он взял и прыгнул вверх,
А потом упал на папу.
Папа спал тут, как на грех...

Я мячу сказал: — На место!
Он послушался, упал

На аквариум. А кресло
Я нечаянно порвал.

— Кресло? То, что в кабинете?
— Мама, это что, допрос?
Мы давно уже не дети.
Вы сердиты не всерьёз.

Вздых. Щелчок ключа. Шум лифта.
Вечер: — Я пришла домой!
Что-то на полу разлито...
Слёзы! Ты ж мой дорогой!

ВАРЕЖКИ С РЕЗИНКАМИ

Вот опять они сбежали,
Экие неслушные!
Ведь неделя, как связали,
Ишь какие ушлые!

Ни записки, ни привета,
Ни намёка, мол, мы там.
Все «ауки» без ответа.
Это просто стыд и срам!

Пряжу лучшую им дали
И узор снежинками.
Вы беглянок не видали —
Варежки с резинками?

Это чьи сверкнули глазки?
Кто отбился тут от рук?
Кто там спрятался в салазки?
Мы нашли вас: «Тук-тук-тук!»

Искупали, обогрели
И простили, что с них взяли!
Шубке в петельку продели,
Больше вам не убежать!

АППЕТИТ

Забегает в дом Антошка
И кричит: — Скорей, скорей!
Дайте мне с мяском картошку
И ещё тарелку щей!

Отчего вдруг шум поднялся?
Почему он так кричит?

Знать, сынок наш нагулялся,
Нагулял и аппетит!

Внук — художник

Гномы спят на тёплой печке,
Песню им поёт сверчок,
Из трубы дымка колечки —
Нарисуй-ка всё, внучок.

Это печка? Дом?! Похоже...
Ну, а гномы где? Внутри?
Ой, а дыма сколько, боже!
Внук — художник. Дед, смотри!

Отчего устал папуля?

В воскресенье вместе с дедом
Я лепил снеговика.
Дед уснул перед обедом,
Утомился он слегка.

Я решил: пойду к бабуле,
Помогу лепить пирог.
Дремлет бабушка на стуле,
Говорит, что сбилась с ног.

Я пошёл на кухню к маме,
Я решил посуду мыть.
Чашки вырывались сами...
И откуда только прыть!

Вместе с папой в кабинете
Тихо я сидел, как мышь.

Ирина Любенкова «Буду космонавтом!»

— Утомляют очень дети.
Я устал, иди, малыш.

Отчего устал папуля?
Я не прыгал, не скакал.
Целый час сидел на стуле,
Лишь вопросы задавал.

ГНОМ

Под малиновым кустом
В шалаше жил добрый гном.
Не сидел он без забот,
Охраняя огород.

Прилетали за версту
Пчёлки к этому кусту,
Приносили сладкий мёд —
Только с мёдом чай он пьёт.

Любит чай
и пьёт компот,
Пироги друзьям печёт,
Сушит яблоки в саду...
В гости я к нему пойду.

БУДУ КОСМОНАВТОМ!

В небе след от самолёта
Белый, словно вата.
Я решила стать пилотом
Или космонавтом.

А пока представить нужно:
Руки — это крылья.
Соберу своих подружек —
Будет эскадрилья.

Лишь одна подруга Томка
Говорит ехидно:
«Ирка — глупая девчонка!»
Разве не обидно?

Но зато со мной Надюшка,
Светка, и Наташа,
И Олеська, и Валюшка —
Эскадрилья наша.

ИГРУШКА

Папа дочке выбирал
Новую игрушку.

Долго думал и гадал:
Куклу? Погремушку?
Может, Мишку? Мишка мягкий.
Он её обнимет лапой,
Носик

к носику заснут...

Решено, беру! И тут
Глянул папа на витрину
И увидел там машину.
Красную, с колёсами,
С жёлтыми полосками.
Есть гудок, и кузов есть,
Пассажирам
есть где сесть.
Папа к кассе подошёл,
Заплатил, домой пришёл,
В зал на цыпочках прокрался...
Вот уж вволю наигрался!

КОГДА УЖ В САДИК ОТВЕДЁТЕ?

Герань, фиалка, кактус, кот —
Какой широкий подоконник!
А за окошком снег идёт
Неспешно, словно белый слоник.

На кухне пахнет пирогом,
И папа с ложкой наготове,
А мама новым утюгом
Костюм наглаживает Вове.

Собрался Вова в детский сад,
Там много-много ребятишек,
И Вова будет очень рад
Найти друзей среди мальчишек.

Одни девчонки ведь вокруг:
Бабули, мама, сёстры, тёти...
А Вове очень нужен друг.
Когда уж в садик отведёте?

Ты нам, кошка, не указ

Возле печки кошка Мурка
С огоньком играет в жмурки.
Пламя пляшет на дровишках,
Кошка думает о мышках.

В подполе у самой печки,
Там, где тёплое местечко,

Дом построили мышата,
А у кошки сверху хата.

— Надо взять
с мышаток плату,

Возместить мои затраты.
Дом-то мой, я здесь хозяйка.
Эй, мышата, вылезай-ка!

Но мышата ей в ответ:
— Мы не выйдем, нет-нет-нет!
Ты нам, кошка, не указ,
Ведь фундамент-то у нас!

С ДЕДУШКОЙ СИДИМ У РЕЧКИ

С дедушкой сидим у речки,
Лес темнеет как стена,
Зажигают звёзды свечки,
И прожектор свой Луна.
Скоростные, как кометы,
Прилетели мотыльки,
Врассыпную, как монеты,
Раскатились огоньки.

Пёс вздыхает и в ладошку
Тычет пуговицу-нос,
Лает в темень понарошку —
Защищу, мол, не вопрос!

Дождь июньский озорной

По траве по луговой,
По полянке по лесной,
По дорожке во дворе
Кто на радость детворе
С ярким радужным зонтом
Ходит-бродит за окном?
Дождь июньский озорной,
Травно-ягодно-грибной!

В доме тихо, все уснули

В доме тихо, все уснули.
На покой ушли кастрюли,
Спят капуста и морковь,
Смотрит сны микроволновка,
Пылесос заснул в углу,
Дрыхнут простыни в шкафу,

Телевизор глаз закрыл,
И уютю во сне остыл,
Дремлет коврик наш под дверью,
А стамеска рядом с дрелью,
В сладкий сон погружены
Кресла, стулья и столы,
Люстра спит под потолком,
Спит под крышей весь наш дом.
Не уснут часы никак,
Всё поют: «Тик-так, тик-так».

ЕРАЛАШ

Нынче дома ералаш.
Я построила шалаш.
В ход пошли
 платки, салфетки,
Одеяла, табуретки,
Семь прищепок, покрывало
(Его мама вышивала),
Три подушки и матрас.
Домик вышел просто класс!
Там, зажмурив крепко глазки
И раскинув хвост и лапки,

Наш котикшка Тишка спит
И тихонечко сопит.

Туча

Туча по небу плыла,
Тёмная, сердитая.
И в себе она несла
Слёзы непролитые.

Горько Туче и обидно
В вышине гулять одной.
Ветра с Солнышком не видно.
Видно, спать пошли домой.

Хлюпать носом Туча стала,
Громко охать и вздыхать,
Расшумелась, разворчалась,
Слёзы начала ронять.

Кап слезинка на дорожку,
Кап слезинка на крыльцо.
Намочила Туча кошку,
Намочила мне лицо.

Я ладошкой, кошка лапкой
Вытираемся, смеясь.
От обиды Туча плачет,
Землю превращая в грязь.

Ветерок кораблик гонит,
Воду в лужице морщит.
В каждой лужице спросонок
Зайчик солнечный дрожит.

Здравствуй, Солнце!
Здравствуй, Ветер!
Здравствуй, тёплая вода!
Здравствуй, лучшая на свете
Туча-плакса... ты куда?

Сутробы жарко тают.
Звончей звенит капель.
И по земле шагает
Космический апрель.

Легендой в мире славен
И космос покорил.
Герой страны Гагарин
Планету озарил.

Ты сказку сделал былью.
Ты Землю облетел.
Космическою синью
Прославлен твой удел.

Тебе открылись дали,
И солнце, и луна.
Гагарина узнали
Весь мир, моя страна.

Ракета в небо взвилась
Апрельское не зря —

МОТЫЖЕНКОВА Екатерина Сергеевна — член литературного объединения им. С.Т. Аксакова «Аленький цветочек» (Оренбург). Победитель V муниципального литературно-поэтического конкурса «Волшебное перо» (2017), лауреат премии для молодых поэтов «Чаша бытия» (2017), лауреат конкурса «Добрая дорога детства — 2018», победитель конкурса «Берег мечты» (2019), лауреат конкурса «Мгинские мосты» (2020), лауреат первой степени конкурса «На благо Родины» (2020). Публикации в журнале «Гостиный двор» (Оренбург, 2017), в книге «Волшебное перо» (Оренбург, 2017), в православном альманахе «Вера, надежда, любовь» (Самара, 2017), альманахе «Отчий дом» (Самара, 2018), «Общенинтересной Литературной газете» (Москва, 2018, 2019), в литературно-художественном православном альманахе «Арина НН» (Нижний Новгород, 2019), в журнале «Путеводная звезда» (Москва, 2019), в журнале «Великоросс» (Москва, 2019), в Аксаковском альманахе Весеннем (Оренбург, 2019), в антологии XI Международного фестиваля православной музыки и духовной поэзии «Вера, надежда, любовь» «Тянется к небу пламя свечи» (Сыктывкар, 2019), в «Православном духовном вестнике» (Оренбург, 2019), в журнале «Литерра» (2020), в журналах «Истоки» (2020), «Новый литератор» (2020). Издана книга «Звонкие звёзды» (2019).

М Вселенная влюбилась
В земного звонаря.

ГАРМОШКА

Как гармошка заиграет,
Зачарует глаз.

РУСЬ, БЛАГОСЛОВИ НАС!

И частушки напевает,
Кинет в перепляс.

Собирает всех с любовью.
Запоёт народ.
Бабка Поля молодую
Павушкой пльвьёт.

Расцветает и хохочет
Дед Илья не зря.
Вышел в пляс, как бравый кочет,
Пишет вензеля.

Хороводы и веселье.
Пой, гармошка, пой!..

Жизнь становится милее
На Руси с тобой.

РЫЖИК

Рыжик бегаёт украдкой,
Залезает под кровать.

То мурлычет песни сладко,
То пытается кусать.

Сорванец неутомонный,
Как румяный колобок,
Лезет вновь бесцеремонно,
Совершает марш-бросок.

Приоткрыл клыкастый ротик,
Ощетинившись
волчком.

Спину выгибает в мостик.
Уши рыжие торчком.

Озорует на матрасе,
Точит коготки-мечи.
Очень хочется игратьсья
Конопатому в ночи.

Русь

Полно, Русь, подремала далече.
Не забыла родимую речь,
Богатырские русские плечи,

Богатырский воинственный меч,
 Божий храм
 с колокольными звонами,
 И узорных наличников вязь,
 И берёзы с кудрявыми клёнами,
 И с далёкими предками связь.

Возрождайся
 родными просторами.
 Вспомни герб, что дарован судьбой.
 Окрыляйся Руси косогорами,
 Светлой верой, молитвой святой.

И врагов, поражая мечами,
 Вновь сражай наповал подлецов.
 Умываясь во храме слезами,
 Бей поклоны Христу за отцов.

ХРИСТОС ВОСКРЕС

Христос воскрес, Христос воскрес!
 И льётся благодать с небес.
 Звончей звенят колокола.
 Христу — царевичу хвала.

Сияет радостью Восток,
 Даря душе моей восторг.
 Светлейший у восхода лик.
 Пасхальный праздник так велик.

Искрятся множество свечей.
 И запах свежих куличей.
 И приоткрыл врата в алтарь,
 Смотрит небесный Государь.

Солнце, яркое до слёз.
 Небо, чистое до звона.
 Улыбается Христос
 От золотистого трезвона.

В лучезарной синеве
 Ангел в небеси витает.
 Преклоняется к главе
 И акафисты читает.

Слово Божие звенит.
 Душу вера окрыляет.

Льётся радуга в зенит.
 Нимбом солнце расцветает.

РУСЬ МОЯ, ЧТО ТЕБЕ НЕ ХВАТАЕТ?

Ох, сердечко в груди замирает.
 Заливаясь слезами, пою.
 Русь моя, что тебе не хватает?
 О Господь, защити Русь мою!

Ворог вьётся, и вороны грают.
 В исполненье заветной мечты,
 Русь моя, что тебе не хватает?
 Светлой веры, любви, чистоты.

Вновь иконы Руси кровоточат.
 Знаки Божьи повсюду видны.
 О Россия, чего же ты хочешь?
 Чтобы не было в мире войны.

ГОРЬКИЕ СНЫ

Плачут заоблачной далью
 Русские горькие сны.

М Вороны Русь заклевали,
И купола не видны.

Где человеку молиться?
Может, за ветром бежать?
Ясному солнцу молиться
Или с дождём зарыдать?

Родина — Русь золотая,
Благослови нас крестом,
Алчных ворюг ударяя
Божьим скорбящим хлыстом.

Вечная память

В сорок первом
торжественным маршем
Провожали на подвиг солдат.
Всем героям,
в сражениях павшим,
Посвящается стих мой — набат.

В каждом вдохе минута молчания.
Каждый выдох не может забыть.

Только ветер
сбивает дыхание.
Слёзы горькие не утаить.
Вопреки ожиданию смерти
Вы любили короткую жизнь.
В вас стреляли фашистские черти.
Вы кричали друг другу: «Держись!»

Вы шинелью страну укрывали.
Знамя красное гордо несли.
Возвратиться с Победой мечтали,
Но вернуться
домой не смогли.

За Победу, за Родину нашу!
За детей, матерей, верных жён!
Вам, героям,
торжественным маршем
Память вечная, низкий поклон.

БОГАТЫРСКАЯ СИЛА

Русские храмы застыли.
Плачет родная земля.

Господа люди забыли,
Милые сердцу края.

Мчусь на коне богатырском.
В топоте слышится звон.
Ворог завистливый близко.
Он на пороге твоём.

В колокол грозно звоните:
Пусть поднимается рать.
В горны златые трубите:
Время за правду вставать.

Где богатырская сила,
Воин с булатным мечом,
Гнавший вражину в могилу,
Даль осеняя крестом?

КАЗАК

Казак лихой кнутом поправил
Густые кудри, и запел,
И на скаку коня ударил,
И в степь родную полетел.

Несётся песня на просторе.
В ней плач любви, разлуки стон.
Змею-тоску, печаль и горе
Из сердца вырвал верой он.

Сверкнул орлиными глазами
И вздрогнули пред ним враги.
Тряхнул могучими плечами.
Рассёк враждебные полки.

Свобода без конца, без края.
И машет саблею сильней,
Златистой шашкой ударяя
Бока серебряных коней.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Смутное страшное время.
Враг на Руси воцарил.
Царство пороков и бремя.
Души людей осквернил.

Мечется враг одержимый.
Слеп и не слышит, где Бог.

Ищет спасенья ранимый.
Средь супостата продрог.

Невыносимо и больно
Видеть Россию мою.
Враг себя чувствует вольно
В нашей стране как в раю.

Мой современник, как робот,
Носит одежды врагов.
Слышится дьявольский хохот,
Предал заветы отцов.

Мучась своими грехами,
Мучает тело своё.
Мир поглощает страстями,
В храме спасенье твоё.

ОРЕНБУРГСКАЯ ПАУТИНКА

Зазвенели златые спицы.
Заиграл паутинки узор.
Оренбургские пуховницы
Расписали родимый простор.

Белоснежные нити вплетают,
Украшая ажурный цветок.
Мастериц кружева вдохновляют.
Расцветает нежнейший платок.

Завиток с лепестком закружились.
Белой лебедью в небе парят.
И с любимой рекою сроднились,
Уплывая в рассвет и закат.

Рассыпается нить-серебрянка.
Огнезвёздный блистает узор.
Восхищает весь мир паутинка,
Изумляя трепещущий взор.

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛА

В День Победы грустил генерал.
О кровавой войне вспоминал.
Вспоминал, как мальчишкой он
Увидал на заре батальон.

Все мужчины, родимый мой брат
В лес ушли в партизанский отряд.

С дедом, мамой остались одни.
Пролетали жестокие дни.

Мать, разведав секреты врага,
Помогала отцу как могла.
Вражьи тайны носили в отряд.
Видеть батю и брата был рад.

Дед воскликнул наутро: «Беги!
О делах мамки знают враги.
Ты прости её, милый внучок.
Может, встречу дарует вам Бог?»

Оглянулся:
махала мне мать.
Как хотелось её мне обнять.
Спозаранку нашёл наш отряд.
Все убиты. Стонал только брат.

Он шептал: «Вот шифровка, бери.
Через лес и болото беги.
Командиру
скорей передай.
И меня лихом не поминай!»

— Как же, брат, я оставляю тебя?
Мы с тобою — родная семья.
Надо как-то обоим спастись.
Донесу тебя, брат мой. Держись!

Обнял крепко
старшой и сказал:
«Милый братец, как ты возмужал!
Но пойми,
мне спастись не судьба.
Ждут за линией фронта тебя!»

Слёзы градом звенели в пыли.
Просьбы брата, как сталь, берегли.
Перейдя лес, болото, устал.
От бессилья чуток подремал.

Вдруг очнулся под звон канонад
В окружение советских солдат.
Но подняться не мог. Нету сил.
— Офицера зовите, — просил.
Мне кричали солдаты: «Дыши!»
— Что с тобою, дружок? Расскажи.

Осмотрела меня медсестра.
Словно мать, обогрев у костра.

Оглянулся. Со мною комбат.
Доложил про мучительный ад:
«Мать погибла.

Не стало отца.
Я остался совсем сирота».

Меня обнял майор, как сынка.
И шепнул: «Ты теперь сын полка.
Вместе будем с тобой воевать.
За Отчизну, за брата и мать».

...С той поры
пронеслось много лет.
Испытаний, великих побед.
Мальчуган повзрослел, возмужал.
В генеральских погонах стоял.

Стопку водки налил генерал,
Помянул всех погибших, сказал:
«О Россия! Жив буду пока.
Сгинет враг. Верь ты в сына полка!»

Русь

В сердце боль необъяснимая
Обожгла на склоне дня.
Гой ты, Русь моя родимая,
Защищайся от огня.

Зябко на дугу нескошенном.
В речке тёмная вода.
Гой ты, Русь моя, заброшена,
Лишь полынь да лебеда.

Ворог вьётся, завивается,
Нас нисколько не любя.
И обмана не чурается,
Чтобы преклонить тебя.

Помни, сила в вере Божьей.
Божий храм — твой лучший дом.
Предков забывать негоже.
Свято помни о былом.

Поднимайся, Русь любимая!
В птицу феникс воплотись.
Гой ты, Русь моя родимая!
Ты за небушко держись.

 Литературное объединение
«Алый цвет»

М

 МОТЫЖЕНКОВА Ксения Сергеевна — член литературного объединения им. С.Т. Аксакова «Аленький цветочек» (Оренбург). Победитель V муниципального литературно-поэтического конкурса «Волшебное перо» (2017), лауреат премии для молодых поэтов «Чаши бытия» (2017), лауреат конкурса «Добрая дорога детства — 2018», победитель конкурса «Берег мечты» (2019), лауреат конкурса «Мгинские мосты» (2020). Публикации в журнале «Гостиный двор» (Оренбург, 2017), в книге «Волшебное перо» (Оренбург, 2017), в православном альманахе «Вера, надежда, любовь» (Самара, 2017), альманахе «Отчий дом» (Самара, 2018), «Общеписательской Литературной газете» (Москва, 2018, 2019), в литературно-художественном православном альманахе «Арина НН» (Нижний Новгород, 2019), в журнале «Путеводная звезда» (Москва, 2019), в журнале «Великоросс» (Москва, 2019), в Аксаковском альманахе Весеннем (Оренбург, 2019), в «Православном духовном вестнике» (Оренбург, 2019), в антологии XI Международного фестиваля православной музыки и духовной поэзии «Вера, надежда, любовь» «Тянется к небу пламя свечи» (Сыктывкар, 2019), в журналах «Зимняя вишня» (2020), «Литерра» (2020), «Литкультпривет» (2020), «Истоки» (2020), «Новый литератор» (2020).
Издана книга «Выше звёзд» (2019).

АКСАКОВСКИЙ АЛЬМАНАХ летний

М Родная Русь

Звонкой песней и гармошкой
 Зазвенела Русь
 И кудрявою
 берёзкой
 Воспевает грусть.

Святая Русь

Святая Русь, родимый край,
 Ты радость,
 боль и грусть.
 Вновь над тобой вороний грай,
 И штык нацелен в грудь.

Споили зельем соколят
 Сквозь горький дым потерь.
 Безжалостен заморский яд,
 И затаился зверь.
 Очнись,
 могучий богатырь,
 Чтоб вздрогнули враги.

ЗАПОЁТ ДУША, КАК СОЛОВЕЙ...

Расписными теремами
 И крыльцом резным,
 Необъятными лесами,
 Храмом золотым.

Средь ромашек и полыни
 Выросли слова.
 Подвигом отцов доньше
 Наша Русь жива.

Светлой верой окрылённой
 В небеса летит.
 Расцветает, восхищает,
 В колокол звонит.

Гони их в кандалах в Сибирь,
 В оглобли запряги.

Русь моя

Запоёт душа, как соловей.
 Я лечу в объятиях твоих.
 Русь моя, стегни шальных коней,
 Окрыляя строчкою моей.

Подари к людскому счастью ключ.
 Золотое слово сохрани.
 Русский богатырь всегда могуч.
 Ворогов завистливых гони.

Мне свою поведают печаль,
В небе зазвонив, колокола.
Русь моя — небесная свеча.
Устремила в небеса крыла.

МЕЧТА

Лечу в зенит —
 благую бесконечность.
Мечты несутся в сказочный полёт.
И, улетаая в сладостную вечность,
Душа моя от радости поёт.

Господь нам ниспошлёт
 благословенье
В лазурно-лучезарный небосвод,
Всяеля в сердце
 радость, вдохновенье,
И в небеса молитвой позовёт.

ОРЕНБУРЖЬЕ

Звонкий месяц молодой
В куполе небесном.

Убаюкал город мой
В колыбели снежной.

Чувства
 к солнцу вознеслись
С радостной любовью,
И степной простор земли
Стал моей судьбою.

В люльке солнечных небес
Мать меня качала.
Открывая мир чудес,
Стансы напевала.

Край любимый —
 Оренбург.
Гул степей звенящих.
Ты сплетаешь нити в пух,
В палантин манящий.

Пусть звенит Урал-река
И платок пуховый.
И Гагарин свысока
Улыбнётся снова.

РУССКИЙ ДУХ

Где звон колокольный?
 Надолго ль затих?
И где богатырская сила?
Где русские люди?
 Где русский язык?
И чем русский дух поразило?

Не слышно ни горна.
 Не видно гонцов.
Печально рыдает гармошка.
Не видно идущих
 на помощь стрельцов,
И птицы молчат осторожно.

Вражина змеёю в Россию проник.
И Русь преклонить обольстило.
Где русские люди?
 Где русский язык?
Неверием Русь поразило.

Заброшена Русь.
 Встрепенись, богатырь!

М Закрой вновь в Россию ворота!
Вражину гони
по степи вдоль и вширь!
Топи супостата в болотах!

А враг коварный печален, поник.
Россия вражину разила.
Здесь русские люди!
Здесь русский язык,
Дух русский, могучая сила!

Любимая Русь

Я слышу над Русью далече
Звенящие рокоты, сечь,
Заморские грубые речи,
Враждебный
наточенный меч.

И Русь укрывается мглою,
А прежде
была золотой.

Русь грезит грядущей грозой,
Болеет новейшей чумой.

Ты выдержишь тяжесть вериги,
Родимая наша земля.
Лишь крепкою верой великой
Спасётся Россия моя.

ОРЕНБУРГСКИЙ ПУХОВЫЙ ПЛАТОК

Свяжи платочек, мамочка родная.
Волшебный пух
в клубочек собери.
И, серебристой ниткой согревая,
Узорами степными озари.

Лебёдушкой, летящею высоко,
Жар-птицею,
взмахнувшею крылом.
Как аленький цветочек теплит око,
Нас вдохновляет
Оренбург платком.

Пусть обнимает плечи
звёздным светом
И изумляет лаской и теплом.

И стансы знаменитого поэта
Звучат чудесным
зимним вечерком.

Русский язык

Великорусский
золотой язык,
Спокон веков завещанный дедами.
Но чужеземный лексикон возник,
Ломая наш родной язык годами.

Мы слово «да» сменили на «окей»,
И, удивляясь, произносим «вау».
Дорогу заменили на «хайвей»,
Новейшее назвали «ноу-хау».

Все письма называем СМС.
Движение мы именуем
«драйвом».

Враждебный нам
сомнительный ликбез.

Довольствие
мы называем «кайфом».

Наш царь России
 нынче «президент».
 Рассрочка называется «кешбэком».
 А модная одежда — это «бренд».
 И сети информации «инетом».

Машина вычислительная —
 «комп».
 И отчим домом хвалимся —
 «таунхаус».
 Все встречи
 заменили на «флешмоб».
 Мышонка дети называют «маус».

Сменили мы родные пироги
 На западные «бургеры», «чизкейки».
 И радуются за спиной враги:
 Мы в ресторане заказали «стейки».

Общаемся с друзьями в «Фейсбук».
 Гордимся, получая «суперлайки».
 А книгу заменяет «ноутбук».
 Мы в виртуальной
 жизни без утайки.

Родной язык
 для молодёжи «сленг».
 Пьём вместо сбитня с квасом
 «кока-колу».
 Куда скатился русский человек,
 Употребляя вместо каши «роллы»?

Ужели отзвенели времена,
 Когда язык родимый восхваляли?
 И с гордостью носили имена,
 Которыми нас деды наделяли?

Что происходит с русским языком?
 Неужто мы родную речь забыли?
 И продолжаем жить чужим умом,
 На Запад свои мысли устремили.

Молчит
 великорусский соловей,
 Но русский дух
 по-прежнему витает...
 Язык великой Родины моей
 Сквозь сорняки-
 словечки прорастает.

Бывают сладкие мгновения,
 Когда душа твоя поёт.
 Расправив крылья вдохновения,
 Как птица, просится в полёт.

Уходят грусти и печали,
 И нет сомнений и тревог.
 Запечатлеть слова-скрижали
 Поэтам помогает Бог.

Россия

Расцветает из света радости.
 Родилась сотней сотен веков.
 Ты своей заревой непрерывностью
 Воссияешь среди облаков.

Ты искришься
 кристальными блёстками,
 Падав в бездну пучины морской.
 Вознеслась над родными берёзками.
 Зашепталась поющей листвою.

Ты на крыльях
 с пылью золотистою
 Упорхнула с цветка на цветок.
 Улетела в лазурь, в небо чистое.
 Голосила как вешний поток.

Ты в привольных степях
 зеленеющих
 Отдыхала на чистой траве.
 Думой скорбной,
 к Христу тяготеющей,
 Напевала молитву во сне.

Ты богата умом, званьем гения.
 Ты тверда,
 словно кремь стальнoй.
 Только Бог
 для тебя вдохновение!
 Только Бог сделал Русь золотой!

В Руси струятся сновидения
 И загорается роса.

И распускаются сирени,
 Заслышав птичьи голоса.

Прохладой веет воздух чистый.
 Плынут неспешно облака.
 И клён качается лучистый
 От дуновенья ветерка.

Трепещут листики берёзы.
 В саду малиновка поёт.
 И расцветают чудо-розы,
 И чудо-радуга цветёт.

Над головою дня сияние,
 А под ногами звон травы.
 О Русь! Златое ликование
 И высь бескрайней синевы.

Хмурится день. Журавли улетели
 В свете златистого дня.
 Листья крылатые ввысь полетели,
 В путь зазывая меня.

Степь загудела волчицей суровой.
 Звёзды дорогу сулят.
 В рожих мехах
 золотистой тесьмою
 Степь примеряет наряд.

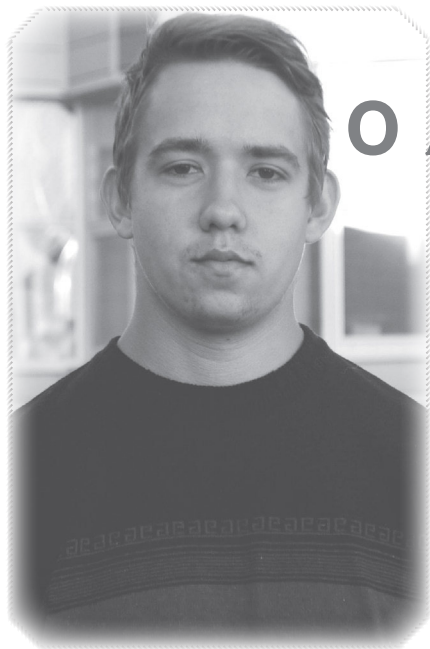
Месяц кружит, колыбельку качает.
 Звонко созвездья поют.
 Ангелы в небе акафист читают,
 Душу мою берегут.

Задремала степь оренбургская,
 Сплошь окутана сказочным сном.
 Отдохни ты, земля моя русская,
 Под широким господним крылом.

Проливаясь небесными сказками,
 Звёзды теплятся
 тихим огнём.
 Ковыли, что луною обласканы,
 Встретят солнышко
 радостным днём.

ГРОЗА

Отсияла гроза. Отсияла, стальная,
И сбежала в степные края.
Отсияла она, царь-девица шальная,
Небо плачет о ней в три ручья.
Не успела пройти, но уже я скучаю,

Литературное объединение
«Алый цвет»

ОЛЕЙНИКОВ Максим Александрович родился 23 апреля 2002 года в селе Черный Отрог Оренбургской области. Учился в школе им. В.С. Черномырдина. Сейчас обучается в ГАПОУ «Нефтегазозаготовительный техникум» г. Оренбурга. Ранее печатался в Аксаковском альманахе, в газете «Пульс дня», участвовал в конкурсе литературных работ «Искусство слова» и был напечатан в книге «Творчество молодых».

О ЛЮБИМОЙ ПОЮТ СОЛОВЬИ

Исходив босиком мокрый дуг.
Где ты, дева-гроза,
царь-девица шальная,
Ты, единственная средь подруг?
От тебя я скрывался,
наверно, напрасно.
Ведь с тобою я встречи так ждал.
Даже в огненном гневе ты,
дева, прекрасна,
Озарившая
древний Урал.

Ты величем своим
развенчала мечтанья,
Напоила цветы и грибы,
Отсмеялась, отправилась
дальше в скитанья
И во мне не признала судьбы.
Отсияла гроза, отсияла, родная,
Озарила пророчества снов.
Отзвучала прощальная
сказка степная,
Ждать которую вечно готов.

Осенний зябкий ветерок
Уныло бродит меж деревьев,
Накинув золотой платок
На улочки родной деревни.

Осенний мир продрог от грёз,
И поутихли трели птички.
Раскинулся на сотни вёрст
Мой край во всём своём величье.

На перепутье вновь стою —
Сожгу мосты, начну сначала.
Неспешно входит в песнь мою
Простор мятежного Урала.

Воцарилась
 осенняя ночь.
Ярких звёзд
 пробивается свет.
Я прошу тебя, тьму не пророчь,
Дай мне счастье
 увидеть рассвет.

Еду я в неизвестность — один,
К лучшей жизни
 сквозь дебри стремясь,
Посреди среднерусских равнин
Вольной птицей по сумраку мчась.

Я к стеклу прижимаюсь щекой,
Затаив от попутчиков взгляд.
Я осеннюю ранен тоской,
Но мечтаю вернуться назад.

Я слаб и в печали поник.
По ошибке я в осень забрёл.
Но нечаянно солнечный блик
Вдруг меня на распутье нашёл.

Неужели пора выходить,
Возвращаться, как я обещал?
И летать, и гореть, и светить,
И не верить в трагичный финал...

Я рос простым мальчишкой,

Живя, как скажет бог.
В обнимку с доброй книжкой
Творил добро, как мог.

Чего с тоской возиться-то?..
В своих стремленьях смел,
Я жил всегда по принципу:
Пострел везде поспел.

Что жизнь? Бои без правил.
И я не жду чудес.
Иллюзии оставил —
И воином воскрес.

Белоснежный туман
Вышел в чистое поле...
Изнывая от ран,
Мы вернулись из боя!

Мы прошли
 через ад,
Став военной машиной.

Отступаться назад
 Нету, братцы, причины.

Сквозь стальные дожди,
 Сквозь шальные метели
 За свободой в груди
 Мы к победе летели.

Русский дух сохранив,
 Чуть от боли сутулясь,
 Дедов не посрамив,
 Мы из боя вернулись.

Я не буду твердить о любви
 В эту тихую лунную ночь.
 Расскажу, как плывут корабли,
 Что на тучки похожи точь-в-точь.

Расскажу о небесных очах,
 Тех, что в небо звездой взойдут.
 Промолчу о печальных речах,
 На земле не нашедших приют.

Расскажу, как в глубинах морей
 Зарождается дева-любовь.
 Пусть рассказы мои всё сильнее
 Будоражат усталую кровь.

Тишь да гладь, на душе благодать.
 Море сонное шепчет вдали...
 Море спит... Но опять и опять
 Покидают причал корабли...

Полыхает багровый закат,
 Угасая в дали небосвода.
 Прижимаю к себе автомат
 И вздыхаю — неужто свобода?

Окликающий эхо в тиши,
 Я поверить в свободу не смею.
 И прошедшей войны миражи
 Предстают чьей-то подлой затеей.

Я блуждаю по отчим лугам,
 С путеводной звездой совещаюсь.

И к заветным родным берегам
 Я, уставший от войн, пробираюсь,

И со мной боевой автомат,
 Значит, страх
 мне отныне неведом.

Я иду на багровый закат,
 Весь пропахший
 войной и победой...

Лучом пронзает солнышко
 Звенящую капель.
 Снегов уже на доньшке.
 Привет, привет, апрель!

Сверкая синей лентою,
 Дурачится ручей.
 И ветерок кометою
 Стремится вдаль быстрей.

Подснежниками стелется
 Продрогший вешний луг,

Весна-красна, умелица,
Зовёт своих подруг.

Цветочный аромат пьянит,
Играет птичья трель,
И песней бойкою звенит
Мой друг, мой брат апрель...

НЕЗНАКОМКА

Несравненные очи,
Опьянённых духов аромат...
С ней бы звёздные ночи
Проводил неустанно подряд.

В летний день без умолку
О любимой поют соловьи,
О моей знакомке,
О моей ненаглядной любви.

Пусть продрогшие розы
Согреваются светом лучей,
Виноградные лозы
Оживают с улыбкой твоей.

Опьянённый мечтами,
Напишу тебе сотни стихов.
Я читать их ночами
Для тебя, незнакомка, готов...

Я вышел на чужое поле,
Я был наивен, как дитя,
Я жаждал радости и боли,
С судьбой играя не шутя.

Неудержимым ураганом
Я за мечтой упрямо шёл.
Не полонён лихим арканом,
Свободу я в душе обрёл.

Чужое восходило солнце,
И угасал чужой закат.
Светилось тусклое оконце
Фантомных призрачных палат.

Суровый лёд истёк слезами,
Оставив вьюги позади.

Я сдал на мужество экзамен,
Мечту увидев впереди.

ДЕВЯТОЕ МАЯ

Праздник народный.
Победный парад!
Медали звенят на груди у солдат.
Юными жизнь на войне отдавая,
Бились за родину, мать и девчат.

Новые юные парни идут,
Плещется в небе победный салют!
Очи девчонок искрятся любовью –
Русские воины гимны поют.

Дед говорил, как в далёком июне
С девками в клубы на танцы ходил
Страшной кровавой войны накануне...
Дед мой в мечтаньях
о счастье парил.

Дед не дожил до Девятого мая.
Дед не увидел победный парад...

Как русский воин
 с презрением швыряет
 Наземь кровавый
 фашистский штандарт.

К бабушке скоро
 поеду в деревню,
 Дом подлатаю и сад посажу...
 Там, за холмом,
 святорусская древность
 И современность стирают между...

Синяя речка, тёплый песок,
 Плещутся рыбки в заливе...
 А позади шелестящий листок –
 Свежий, шумящий, родимый.

Белою ватой плывут облака
 В небе просторном и чистом.
 Лучиком жизни
 ласкает слегка
 Солнышко юные листья.

Золотом спелым колосья звенят,
 Ветер колосья качает.
 Птицы о волюшке вольной кричат,
 Край мой степной величают.

Слышен тихий шёпот леса,
 Песня ветерка...
 Он, как шепотной повеса,
 Гонит облака.

Не уснуть... Воспоминанья
 Словно сладкий яд.
 Очи звёздное мерцанье
 На меня струят.

Эти ласковые очи
 Юные твои
 Непонятное пророчат
 Нам с тобой в любви.

Я, рождённый в мир поэтом,
 Среди звёзд – один...

Лунный лучик... лучик света
 Нам необходим.

Ветер, вольный сын природы,
 То неласковый, стальной,
 То отчаянно свободный –
 В вальсе закружил с листвою.

Вихрем закрутил манящий,
 Свежий аромат цветов.
 И окутал свет палящий
 Кроны пойменных лугов.

Стаи туч в небесной выси
 Снова лихо гонит вдаль.
 И, подобно хищной рыси,
 Налетает на февраль.

Времена насквозь пронзает,
 Рвётся в будущность стремглав.
 И свиданье назначает,
 «До свиданья» не сказав...

Когда-то давным-давно, а именно так давно, что об этом уже простительно и не помнить, я, будучи очень молодым человеком, романтиком по складу характера и в силу воспитавших меня обстоятельств, главным из коих были книги, впервые

НЕВОЛЬНАЯ,

посетил Михайловское. Было это, можно сказать, свадебное путешествие. Мы с юной женой приехали в Псков рано утром, купили в газетном киоске кипу свежих газет на дорогу и первым рейсовым автобусом отправились в Пушкинские Горы. Это путешествие оказалось незабываемым, потом всю жизнь меня тянуло в поэтический заповедник, и в каждый следующий приезд сюда

ПОЛУЭКТОВ Юрий Леонидович родился в Дрогобыче (Украина) в семье военного. Через три года семья переехала в Оренбург, где Юрий позднее учился в школе №55. Окончил Ленинградский электротехнический институт. Работал в КБ «Орион», занимался испытаниями крылатых ракет. Увлекается садоводством и фотографированием живой природы. Публиковался в газетах «Оренбургская неделя», «Вечерний Оренбург», «Южный Урал», альманахах «Гостинный двор», «Аксаковский». Живёт в Оренбурге.

СЧАСТЛИВАЯ ОБИТЕЛЬ...

возникало ощущение новизны, открытости, как это случилось в первый приезд, как бывает в местах святых, напоённых вековыми молитвенными тяжаниями, где небо ликующее ближе, а горизонт неуловимей и шире. Любовь к Михайловскому породила собственные поэтические строки, постепенно сложился небольшой поэтический цикл.

Юрий Полуэктов «Невольная, счастливая обитель...»

Аллея Керн. Два стихотворения

Год 1971

Утро тусклой гравюрой рядится.
Смыла чёткость дождя меледа.
Снова с влагою неурядицы,
Климатическая беда.

Морось липам склонила головы
Над хранящей секреты скамьей.
В тёмных кронах листва вполголоса
Обсуждает сюжет неземной.

Ситник бисером с неба нижется.
Жду во мгле необыденных слов.
Лепет листьев умолк. Но слышится
Шёпот шёлка и шелест шагов.

Дождь на мне всю досаду выместил.
Без вины виноватый, я сник.
Но... настал вдохновляющий миг:
Ломкий профиль в тумане возник,

Рядом — тонкая, словно вымысел
Из забытых возвышенных книг.

Год 2011

Просторный старый парк, прохладой умытый,
промозглый бусенец на кронах в вышине,
на старенькой избе и на тропе размытой,
на простенькой скамье, на Сороти, на мне.
Уложена под плащ стопа газет — преградой
назойливой воде и утренней прохладе,
и я среди древних лип в пристанище теней
на целых сорок лет моложе и вольней.

Я гость счастливый был.

Простой и необычный.

Бродил по комнатам, гулял среди аллей.
Я мир в себя вбирал лучистый, поэтичный,
и для меня нет мест дороже и родней.
Я робко трогал стол, где рифмы вальс кружили,
где к свету ночника спешили небыль, были,
где острое перо роняло их на лист,
где гений русский жил, хотя и байронист.

Здесь были не в ходу музейные запреты:
возможно на скамье Онегина мечтать
и к полевым цветам, уложенным в букеты,
припасть и ощутить природы благодать,
чтецам внимать младым, восторженным, ранимым,
беззвучно вторить строчкам искренно любимым,
у озера гулять, лаская взглядом гладь,
и пушкинскую тень в тумане угадать.

Я снова – визитёр. Визит, поди, последний,
мне помнится
 почти безлюдность прошлых дней,
как много нынче здесь ценителей наследий
и меньше, чем тогда, задумчивых людей.
Осенний грустный гимн и в жизни, и в природе:
то солнце промелькнёт на тёплом небосводе,
то вдруг настудит тень внезапного набега
лиловых облаков с неумолимым снегом.

Зазимок кое-где гостит на сонных соснах,
слезой исходит в лоск по лиственной кошме.
Большой зуёвский* сад прилачился к зиме.
Последних яблок сок рассладился на дёснах.
Я, кажется, нигде не пробовал вкуснее.

Мой путь лежит вокруг пустующей аллеи.
В музее всюду обновились интерьеры:
где много ног, там обязательны барьеры.

Как вековые липы разом обветшали!
Мне прежде виделось, что их степенный ряд —
то гости, в полонез на августейшем бале
готовые пуститься, парами стоят.
Врачующей рукой опиленные кроны
едва-едва видны, сединам тонким сродны.
Вершины к небесам в молитве взнесены,
как руки смертных о прощении вины.

В бессмертье лип я жил с неколебимой верой.
Увы, мираж былой оставил сей приют.
Пусть разной наверху отмерено нам мерой,
надолго ли они меня переживут?..
Уходят навсегда сообщники волнений,
свидетели веков, стихов, прикосновений,
видения мои в слепой морохе серой,
союзники мои, шепнувшие: «Уверуй!»

Пора растить иных, кто, возмужав, заменит...
Бог даст, ещё придёт в их сени новый гений —

стихам грядущим совершенным современник.
А для кого-то пусть мелькнут в тумане тени.

**Зуёво – прежнее название сельца Михайловское.*

МИХАЙЛОВСКОЕ

Пологий холм, где по утрам верхами
Метался в поисках забвения поэт.
Сельцо, где небо грезило стихами
И ветер пел строками из поэм.

В глухой тиши лесного заточенья
Звенела рифм неповторимая капель.
Здесь царство милых муз, здесь вдохновенье,
Поэзии российской колыбель.

Здесь хоровод из образов теснился,
Дубрав михайловских весенний изумруд
Пером поэта в вечность уносился,
И, поднимая на высокий труд,

Господь не попустил декабрьский опыт:
Земля родная — самый хитроумный страж,

Зайчонка шуганув под конский топот,
К Сенату не пустила экипаж.

Невольная, счастливая обитель.
Псаломщик скромный здесь я сердцем и умом.
Поэзия – святитель и спаситель
Витает над намоленным холмом.

***РЯХОВСКИХ (Сарычева) Вера Петровна** родилась в 1967 году в селе Ратчино Шарлыкского района Оренбургской области. В Оренбурге живёт с 1984 года. Стихи печатались в районной газете «На новые рубежи», газете «Оренбургская неделя», Аксаковском альманахе «Алый цвет».*

СЕРДЦЕ ТАЙНУ ОТКРЫЛО...

*Памяти моей мамы Сарычевой
Валентины Оскаровны*

Нет, не вчера учились мы ходить —
Под локоток держала
мама нежно...

Но старость наша —
это неизбежность,

С годами не умерившая прыть.

Суровой жизни острые края
Божественная
сглаживает милость.

Судьба, как птица раненая, билась,
А наша клетка — брэнность бытия.

Вновь юность улетает, не вернуть,
Вдаль улетает, где находит силы?
— Добро вернётся, — мама говорила,
Благословляя кротко
в добрый путь...

Мы вырывались к маме на денёк,
У суматохи время отнимая.
И здесь, в краю берёзового рая,
Нас ждал избы
заветной огонёк!..

Вера Ряховских «Сердце тайну открыло...»

...Вот маму мы ведём
по склону лет
Под локоток, ступая осторожно,
Хоть молодость
вернуть нам невозможно,
Но вновь горит
берёзовый рассвет...

Любовь такая разная:
Поникшая, горячая,
Ненужная, напрасная,
Чужая, настоящая.

Любовь такая странная,
Наполненная сладостью,
Надменная, желанная,
С обидами и радостью,

Овеянная свежестью,
Цветущая, увядшая,
Насквозь мечтой, и нежностью,
И ревностью пропахшая...

Крошки ладошкой смету со стола,
Счастье своё не тогда ли смела?
О суеверии силюсь забыть,
В доброе верить, греха не таить.

Сердце подскажет
единственный путь,
Не побоится удачу спугнуть.
Вторая потерям – мечта осеклась,
Юным неверьем
натешилась всласть.

Жизнь-лицедейка,
терзая родню,
Наши затейки сечёт на корню...
Счастье в ладони смела со стола.
Крошка на счастье
дана мне была...

Сердце дров наломало —
В один миг, в одночасье.

О преградах не знало
И — бежало за счастьем.

Сердце тайну открыло,
Чтобы радостней биться,
И себя возомнило
Райской трепетной птицей.

Миру щедро дарило
Вместе с радостью нежность,
Сердце просто любило
Юной жизни безбрежность.

Счастье рядом, казалось,
В переулочках бродит...
Но оно оказалось
Синей птицей в полёте...

Тихо властвует стужа —
Обняла обручённых,
Снегопад зябких кружев,
На разрыв обречённых...

Так зачем, сердце, просишь
Ты разумных советов?

Осень, зябкая осень,
Станет поздним ответом.

Как раньше не будет –
 любовь быстротечна.
Меняются люди
 в раздумьях о вечном...
Сто раз доверяя, слывём дураками
И счастья опять ожидаем веками.

Судьбу примеряем,
 опять колобродим,
Здоровье теряем,
 любви не находим...
Картина живая – затёртые кисти.
И жизнь проживаем,
 не ведая истин...

Ломаются судьбы
 в угоду печали...
Как раньше не будет –
 не так рисовали...

Из прошлого столетия
Любовь смотрела пристально,
Несовершеннолетняя,
Была надёжной пристанью.

Весной от счастья рдевшая,
Слыла наивно маленькой,
До петухов сидевшая,
Смеялась на завалинке.

Ты, в небесах
 летавшая,
Гордячка златокудрая.
Все книги прочитавшая –
Хранила целомудрие.

Бесцельная, бесценная,
Светилась звонким лучиком,
Ведь впереди – жизнь целая,
Ведь впереди – всё лучшее...

И сквозь тысячелетия,
Не ожидая выстрела,

Ты суженого встретила –
И... расцвела... воистину...

Затаились девичьи тетрадки,
Сокровенное прячут листы -
Это дерзкая юность украдкой
Поверяет бумаге мечты.

Избегая любого конфуза,
Исполняет сонеты апрель,
Вдохновением тешитса муза,
Создавая весне акварель.

Оглушённая гомоном птичьим,
Всех нас напрочь лишившая сна,
Воплощаясь в мечтаньях девичьих,
Расцветает на сердце весна...

Как сороки, трещат малолетки –
Щебетаний волшебных сонет...
Словно юность девчонка-кокетка,
Я встречаю свой первый рассвет...

По старой дружбе в самый раз
Зайти на огонёк.
Мечта заветная сбылась –
Ликует паренёк.

Зима поёт... Горячий чай
Ему плесну в бокал...
Руки коснулся невзначай
И взгляд не опускал.

Смотрел с надеждою в глаза,
В ответ не слышал «да».
Хоть очень важное сказал,
Что нёс через года...

И пригубив один глоток
Остывшего чайка,
Он лишь тогда заметить смог
Усмешку свысока...

Когда в окошко постучал
И в путь позвал мороз:

– Я не люблю горячий чай! –
Прощаясь, произнёс...

Эхо твоих шагов –
Словно души прострел.
Осень ждала любовь,
Празднуя свой удел.

Осень пьянил закат
И призывал рассвет.
Радостных дней каскад
В сердце чеканил след.

Времени скорый бег
Все просчитал пути.
Но расбросала снег
Осень, спеша уйти.

Грустно поблэк пейзаж.
Радости – краткий миг.
Памяти грозный страж
Чествует новый стих...

Судьбе наперекор
не пишутся законы.
Нет права на любовь,
и на мечту – запрет...
А на краю судьбы,
по краешку ведомый,
Заманчиво горит
малиновый рассвет...

Опять шептунья-ночь
покается спросонок,
И новый день вспорхнёт,
судьбу благодаря...
Наивная любовь, наивна,
как ребёнок,
Беспечно оторвёт
листы календаря...

Пусть юности задор
приветствует беспечность,
В малиновый рассвет
мечты уводит пусть.

А времени разбег
 торопит быстротечность,
 Сквозь омуты любви
 прокладывая путь...

Любовь в чужой ночи
 от нежности румяна,
 Она сама без прав
 на беспросветность лет...

Малиновый рассвет —
 от счастья словно пьяный
 Судьбе наперекор...
 А может быть, и нет...

Л.К.

Не жду звонка.
 Пропело наше лето,
 Отмерив мне
 невыплаканный срок.
 Пустых иллюзий шаткие приметы
 Мне преподали жизненный урок.

Твою любовь лукавую лелея —
 Свои мечты дарила впопыхах.
 Но ни о чём на свете не жалею
 И не желаю каяться в грехах.

Я не таю, я пестую обиды,
 Твоя любовь — нежданная напасть.
 Мне довелось доподлинно увидеть
 Больной любви немислимую власть.

Господь отвёл тебя с моей дороги,
 Отныне нам с тобой не по пути.
 Уж лучше я останусь недотрогой,
 Боюсь тебя, любимый,
 не простить...

*Возлюби ближнего твоего,
 как самого себя.
 Заповедь Иисуса Христа*

Мне ненавидеть больно вас,
 Я нелюбовь прощаю сразу.

Любовь, не видимая глазу,
 Быть может,
 счастлива без нас.

На поэтической волне
 Всё важное давно случилось.
 Мне помогает Божья милость
 В проникновенной тишине.

Забавно пишутся стихи,
 Опять тревожа чьи-то судьбы,
 Грехов не ведавшие судьи
 Не отпускают нам грехи.

За глупость я плачу сама,
 Всё реже мучаясь от боли.
 Несокрушима Божья воля —
 Обида в сердце — не сума...

Мне улыбается рассвет.
 Я день ушедший
 закрываю.

И в небо слово отпускаю,
 Вдыхая богоданный свет!

Любовь под прицелом –
 всегда осторожна,
 Шагает несмело
 цветочной дорожкой.
 Любви вдохновенные
 грустные вздохи
 Боятся порою любого подвоха.
 Сомненьям – начало,
 свиданьям – улыбка,
 Любовью порой называют ошибки.
 Мечте доверяла,
 прощала пороки,
 Надежду теряла, паря одиноко...
 И вот – загрустила,
 рассыпала слёзы,
 Опомнитесь, люди,
 куда не поздно.
 Уняв любопытство –
 осталась несмелой...
 Любовь – сладкий сон
 накануне расстрела...

Задолжала себе, задолжала,
 Лишь тебе пониманье дая,
 Угасая, мечта трепетала
 Под холодной звездой января.
 Одинокие зимние ночи
 Сбили мысли мои набекрень.
 А разлука, злодейка, хохочет
 И пророчит нерадостный день...
 Ты меня разгадал, как загадку,
 Ты запутал, где явь, где мечты...
 Почему, я теряюсь в догадках,
 Предпочёл круговерть суеты?
 Жизнь несётся, не чуя разбега,
 На бегу спотыкаясь сама.
 Набросала пушистого снега
 На моём перепутье зима...
 Море – вот утешение в горе,
 Я сбегу от тебя,
 милый мой...

Слёзы смоем мне Чёрное море
 Несравненной своей бирюзой!..

ФОНТАН

Повеса, мачо, бонвиван
 Из разноцветных струй,
 Вдруг на щеке моей фонтан
 Оставил поцелуй...

Он робок был, но жить спешил –
 Безмерно одинок...
 А ветерок судьбу вершил –
 Разбрызгивал поток.

Он сил для друга не жалел
 И дружбы теплоту...
 Фонтан – посмел, фонтан – сумел
 Осуществить мечту...

Объятий радостных восторг
 И поцелуев шквал!..
 Меня, поверьте, так никто
 Ещё не целовал!..

Как поле похоже на море,
Когда созревают хлеба!
Весь год кочевать на просторе –
Высокая наша судьба...

СЕДЕЛЬНИКОВ Сергей Васильевич родился в 1956 году в городе Караганда. В детстве жил в Актюбинске. В 1973 году поступил в Ленинградский госуниверситет на биофак. В 1978 году окончил вуз по специ-

ЖИЗНЬ НЕ ПРОЖИВЁШЬ ВЗАЙМЫ!

альности «Почвовед-агрохимик». Много лет трудился инженером-почвоведом в проектно-институте «Казгипрозем» в Актюбинске. Довелось послужить офицером в армии, поработать в партийных органах. В 1999 году переехал с семьёй в Оренбург. Стихи пишет с юности, но серьёзно увлёкся в 2008 году. В 2017 году был дважды победителем на оренбургском поэтическом турнире «Стихоборье». Соавтор трёх коллективных сборников литературного объединения «Взгляд» (г. Кувандык). Автор книг «Дедушкины сказки», «Небритый колобок», «Песня акына», «За здоровье живых». Печатался в первом номере Аксаковского альманаха «Алый цвет».

Сергей Седельников «Жизнь не проживёшь взаимы!»

С Пусть ветер стремительно клонит
До самой земли колоски.
И хлебное поле – как море
Без чаек, волны и тоски.

Я с вами о сходстве не спорю
В тисках городских площадей...
Но хлебное поле, как море,
Пленяет простором людей.

А где-то в обрывках тумана
Комбайны по полю плывут,
В которых сидят капитаны,
Хоть нету в комбайнах кают.

Как много похожего в лицах
Людей, явью сделавших сны.
Им выпало честно трудиться
На благо любимой страны.

Не спать им на мягких перинах,
Пока на штурвале рука,
И пот одинаков на спинах
Колхозника и рыбака!

Завязывать воду и сушу
Приходится в узел морской.
Я дружбы вовек не нарушу
Меж небом, землёй и водой...

Жизнь взаймы

Кроя всяко мать-природу
За заснеженную мглу,
Я иду по гололёду,
Как по битому стеклу.
Чтоб свести

концы с концами,

Я решил пойти ва-банк.
Всё, что нажито отцами,
Отношу сегодня в банк.
Мне кредиты не помеха,
Не боюсь сумы-тюрьмы,
Но бывает не до смеха,
Если выживать взаймы!
Что творю, не понимаю –
Рисковать люблю, хоть режь!
Но душой не принимаю
Повелительный падеж...

Мне кредит платить два года!
Гололёд. Мороз. Аврал...
Не желает мать-природа,
Чтобы я кредиты брал.

Сельчане стонут:
«Жизнь ужасна!..»
Морозец, как маразм, крепчал.
Дорога в школу непролазна.
Она – начало всех начал.

Но вот нашлись
шалые деньги.
Асфальтом закатали путь.
Калитка вместо оберега,
Чтоб не забрался
кто-нибудь...

Стоят тесовые ворота,
И на дверях – большой замок.
Что нет забора – не забота,
Забор поставим,
дайте срок!

Увы, поставить не успели.
«Нет денег!» –
 спохватилась власть.
Зачем стараться, в самом деле!
Коль нужно
 наживаться всласть?

ИЗМЕНА

Пришёл с войны
 солдат героем,
И грудь сияла от наград.
С женою выпил молодую,
Но возвращению не рад.

Ползло в селе немало слухов –
Он доверялся им с трудом.
Про жинку напевали в ухо
И сплетничали за углом...

Рыбачить уходил на речку,
Курил солдат, не спал ночей.
Тайком поставил
 в церкви свечку,

Подумал горько:
 «Сын-то чей?»
Он был по-русски терпеливый –
Не грыз жену до мелочей,
Но хоть и был он муж ревнивый,
Гнал от порога «стукачей».

С трудом глотая угощенье,
Не мог простить жене измен
И спирт хлестал
 до отвращения,
Сомненьем горьким
 взятый в плен...

Как без семьи прожить на свете?
Он так решил: пусть никогда
Про это не узнают дети –
Уйдёт, как талая вода.

Он навсегда забыл про мщенье,
Допив разлучное вино.
Святое таинство прощенья
Немногим
 любящим дано.

Мы не меняли место встречи –
Встречались в парке у воды.
Теряя дар цветистой речи,
Тебе преподносил цветы...
Мне были редкие свиданья
Дороже всех земных наград.
В ответ на пылкие признанья
Ловил твой бесподобный взгляд...

Аллеи вскоре опустели,
Певучий пересох ручей.
Виски с годами побелели,
Неярок стал огонь очей.
Живу один
 в раздумьях грустных,
И ты не завела семью,
Хоть на душе темно и пусто,
Я до сих пор тебя люблю.
Мне стало прошлое уроком –
Ведь главных слов я не сказал.
Боялся твоего упрёка.
А после был перрон, вокзал...

...Мы встретимся, забыв про годы,
 В заросшем парке у пруда.
 С улыбкой вспомним
 про невзгоды,
 Что разделяли без труда.
 Тебя опять возьму за руку,
 А ты уткнёшься мне в плечо.
 Пусть жизнь –
 изменчивая штука,
 Но вновь под сердцем горячо!

Жизнь, как миг,
 пронесётся,
 Не оставив следа.
 И назад не вернётся
 Никогда, никогда!
 Не тревожьте слезами
 Тех, кто путь завершил.
 Пусть останутся с нами –
 Каждый в памяти мил...
 Отпустите! Их тянут
 Наши слёзы назад.

Пусть свободными станут –
 В поднебесье летят.
 В жизнь
 без боли и страсти,
 Облачённые сном.
 В мир, что нам
 не подвластен,
 Не постигнут умом...
 Наши стоны – преграда
 В их высоком пути.
 Не зовите, не надо!
 Не мешайте уйти.
 С этим нужно смириться
 И душою принять –
 Их звезда возродится,
 Чтоб на небе сиять!

Молчаливый утёс

Я был утёсом водружён
 У самой кромки моря.
 Безумством грома
 поражён,
 С ненастьем дерзко спорил.

У ног моих шумел прибой,
 Глуша рыданья чаек,
 А люди шли по мне гурьбой –
 Их путь наверх отчаян!

Я возвышался выше всех,
 Презрев людскую зависть.
 Все, кто нацелен на успех,
 На высоту взбирались.

Вверх молодых ведут мечты.
 Мешать им бесполезно.
 Недостижимость высоты
 Не стоит мрака бездны.

Я знал заветную тропу,
 Где облако клубится.
 Но как остановить толпу,
 Что к пропасти стремится?

На бессловесность обречён,
 Я не помощник людям.
 Стремление ввысь – тщеславный сон,
 Что миру неподсуден!

МОРОЗ-ИЗМЕННИК

Осень, грустная погодка,
Вышла за околицу.
Истомилась,
 знать, молодка
По морозу-молодцу.

Он осушит ветром слёзы,
В горностаю укутает,
Жемчуг скинет на берёзы,
Все дорожки спутает.

У него в заначке много
Серебра жемчужного,
Всем красоткам-недотрогам
Очень-очень нужного!

То-то, лишь его заметив,
Осень разругалась.
В золотом,
 пурпурном свете
Гордо приосанилась.
Но мороз проходит мимо –

К зимушке торопится.
Тишиной звенит предзимье,
Печь в избушке топится.

Осень, осень,
 зря ждала ты
Шубки горностаевой!
Он ушёл

 к зиме косматой,
Чтоб её одаривать.

Грибные места
 мне до боли знакомы.
Я тихий охотник
 с корзинкой в руках.
Здесь дерево вырвано
 ветром суровым,
А дальше развилка укрыта
 в кустах.

Вот вы и попались
 в ведёрко, груздочки!

Знать, будет зимой
 мировой закусон!
Ведь тот, кто отведал
 грибочки из бочки,
Навек потеряет
 беспечность и сон.

Берёзы в лесу
 донесли по секрету
О том, что нагрянут
 маслята вот-вот.
А нынче им рано,
 их попросту нету.
Они ожидают,
 что дождик пройдёт.

Охотник я тихий,
 но вовсе не робкий.
По жизни грибник,
 а по духу – поэт.
Что может быть лучше
 грибочков под стопку,
Когда разносолов
 особенных нет?

С **ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ**

Они не просто умирали,
Когда пришёл

их смертный час.

В сраженьях

до конца стояли

И жизни отдали за нас.

Железо, кровь, зола и пепел.

Они стояли на краю.

И кто-то смерти не заметил –

В бессмертие шагнул в бою.

В аллеях, парках, у вокзалов

Мы замечаем до сих пор,

Как стелы в небо величаво

Возносят звёзды

на простор.

Земля укрыла их печалью

И бережно покой хранит.

Герои здесь на ней стояли,

Теперь она на них стоит.

ПОЛУСТАНОК

Среди ошибок и обманок

Весь день заботами забит,

А счастье – это полустанок,

Где скорый поезд не стоит.

Несётся он без остановки

По рельсам, не сбавляя ход,

Даруя облакам обновки –

Закат меняя на восход.

Вот скорый станцию проедет.

Ты приказать не сможешь: «Стой!»

Он истово спешит к победе –

В депо укрыться на постой.

Нам жизнь навечно не даётся,

Бессмертье –

самый древний миф.

Печальным дождиком

прольётся

Прощальной музыки мотив.

Но каждый новый день –

подарок,

Хоть суетой-борьбой забит.

Ведь счастье – это полустанок,

Где скорый поезд не стоит...

Во времена

величья и раздора,

В минуты горести и забвения

Ты мне всегда

надежда и опора,

Земля многострадальная моя!

Меня излечишь,

если простудился,

И отогреешь,

коль в буран попал.

Подскажешь путь мне,

если заблудился,

Поднимешь

оступившихся со скал.

Поможешь

угощение приготовить

И для гостей
 богатый стол накрыть.
 Частушку залихватскую
 припомнить
 И в плясовой пуститься
 во всю прыть!

Раскинешься раздольем
 васильковым,
 Земля, где жили деды и отцы.
 Где колокольный
 перезвон знакомый
 И бесшабашной
 тройки бубенцы.

Не отрекаюсь духом от народа
 Я, даже если сердцем изнемог.
 Ведь нет печальней
 и страшней исхода,
 Когда земля
 уходит из-под ног.

Пусть русская дорога
 лентой вьётся,

Блестит озёр серебряная гладь.
 Я без всего,
 что Родиной зовётся,
 Не смог бы
 даже дня существовать...

Короткий у предзимья срок –
 Укрылось за горами лето.
 Мелькает утренный снежок,
 Как седина в висках поэта.

Последних птиц
 надрывный крик.
 Не слышу – чувствую душою.
 Морозом скованный родник,
 Берёзы с жухлою листвою...

Предзимье – грустная пора!
 Ещё как будто
 ждёшь чего-то.
 Но песнь осенняя стара,
 И позабыть её охота.

Спрошу у неба: «Где же снег?»
 И огорчения не скрою...
 На перепутье сонных рек
 Встречаюсь
 с матушкой зимою...

Ты приходи, ты приезжай,
 Ты прилетай
 без промедления.
 Не может быть другого мнения,
 И мне, прошу, не возражай!

Взглянуть хочу в твои глаза,
 Ведь в них
 наметились морозы.
 И на лице печальном слёзы
 Мерцают, словно образа...

Ты так нужна мне, так нужна!
 Как свет, как воздуха дыхание.
 Как свеч горячее порханье,
 Как музыка и тишина...

С Как жизнь в лирической оправе,
Как самая святая ложь,
Как наваждение, как дрожь.
Но я удерживать не вправе.

В лесу забытая тропа
Безлюдна в праздники и будни.
Похоже, в дебрях заплутал
Её последний верный путник.

Тропа сбежала от села
По косогорам и низинам.
То мимо озера вела,
То в чаще под ногой сквозила...

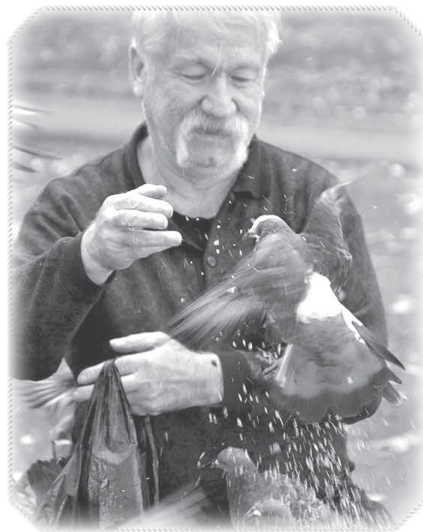
Тропа вела людей в метель,
Когда уже терялись силы...
Сквозь мглу и снежную постель
К жилью заблудших выводила.

Что узкая, её ль вина!
Пространства ей досталось малость,

И слава богу, что она
В траве совсем не затерялась!

Тропинку выбрал неспроста,
Сбивая по ухабам ноги.
Здесь скрыта детская мечта
И звонкой юности истоки.

Вновь вырвусь из потока дней,
Что в городах зовём мы жизнью,

Иду, иду, иду по ней,
Меня ведущей по Отчизне...

Немало пригубил страданий
Я, дерзкий, резкий, молодой.
Клубится дым воспоминаний
Под путеводную звездой.

И мимо ветхого крылечка
Печально пролагая след,
Жизнь убегает тихой речкой,
Знакомой с самых малых лет!
Корабль любви,
разбитый штормом,
Что плыл в сиреневый рассвет,
Не стал нам ни семьёй, ни домом –
На возвращенье шансов нет...

Но полночь новая приходит,
Даря надежду на любовь.
И на цветущем небосводе
Все звёзды воскресают вновь.

Родимый одуванчиковый рай,
Цветут в обнимку
 пижма с лебедою.
Мой средневолжский
 заповедный край
Века стоял меж Русью и Ордою.

Гость
альманаха

СОКОЛОВА Валентина Фёдоровна родилась в селе Кротовка Самарской области. Работает врачом в родильном доме. Автор поэтических сборников «Печаль моя, ты надолгой не властна», «Лирика души моей», «Сквозь кружевной узор листвы», «Осенний блюз», «Рапсодия любви», а также публикаций в самарских журналах и альманахах «Русское эхо», «Отчий дом», «Стрежень». Дипломант Всероссийского поэтического фестиваля «Соколики русской земли». Координатор народного литобъединения «Отчий дом» Союза писателей России. Живёт в Самаре.

ВЕКА МЕЖ РУСЬЮ И ОРДОЮ...

Звон колокольный
 Волгой отражён
И, многократно повторённый эхом,
Вплетает гул столетий и имён,
На Волге расстоянья – не помеха!
Здесь Тохтамыш
 встретил Тамерлан,
Кровавыми слезами
 край мой плакал.

Но слыше
 в утешенье краю дан
Славянофил и почвенник Аксаков.
В Златой Орде
 не растворилась Русь,
И русские не затупились луки...
За каждый одуванчик я молюсь.
А с лебедой и пижмой
 мы подружи.

Валентина Соколова «Века меж Русью и Ордою...»

Я к тебе прикасаюсь словом,
 Мой единственный, несравненный,
 Мой застенчивый, мой суровый,
 Королевич мой драгоценный.

Словом ласковым,
 словом нежным,
 Словом бережным,
 словом страстным...

До меня ты как будто не жил,
 Ну а если жил, то напрасно.

Мы случайно нашли друг друга,
 Осень преподнесла подарок.
 Стала нам подругой, порукой...
 Поцелуй долгожданный
 жарок.

В полумраке рябина светит,
 Словно сваха с тайной повадкой...
 Что бывает лучше на свете
 Запоздалой
 горчинки сладкой?

Счастливые слёзы ладонью утру.
 Я волжскому краю
 совсем не чужая!
 Цветок иван-чая расцвёл на ветру,
 Меня любоваться
 собой приглашая.

Жемчужною цепью
 плывут облака,
 Неспешно плывут,
 не смущает их ветер.
 Туда, где Самарская блещет Лука,
 Плывут и плывут
 напрямую к Шелехмети.

Туда, где простор
 жигулёвский живёт,
 Где вольные песни
 до времени зреют...

И волжских стихов
 вдохновенный полёт
 Лишь царственный сокол
 оспорить посмеет.

Среди отчаянной зимы
 Совсем немного сердцу нужно.
 Одно мгновение — и мы
 Друг другу объяснимся в дружбе.

Что нам всеислие молвы?
 Мы одинокие поэты,
 И в одиночество, увы,
 Своё влюблённые при этом.

Мы дети книжной тишины
 И потому порой печальны.
 Но в соцсетях друг другу мы
 Раскроем ненароком тайны.

Не распыляясь на укор,
 Излечим раненые души
 И будем, глядя в монитор,
 Печально исповеди слушать!

Пожатие твоей руки
 Мгновенно озарило душу.

И, всем невзгодам вопреки,
Я это чувство не разрушу.

Когда на сердце неуют,
Когда тоска и лютый холод
Тебя в свой зыбкий плен возьмут,
Представь себе: ты снова молод.

И кровь по венам забурлит,
И соловьём споёт сорока,
И жизнь рекою зажурчит,
И расцветёт весна до срока.

Растают в сердце холода,
Капелью радость постучится,
И я пойму, что не одна,
Поймав твоей любви жар-птицу.

Жизнь сплетает свои кружева
То из смеха, а то из печали.
Из любви, что извечно права,
Ведь её мы на царство венчали.

Той любви, что способна летать,
Укрепившись надеждой и верой.
Мне всего понемногу опять
Отмеряя насущною мерой.

Всё от Бога! Мне с Ним по пути.
Утро дышит
библейской прохладой...

Только Бог знает, как нам дойти
До цветущего райского сада...

Мы к Нему, всё поняв и простив,
Возвращаемся – свят Он и светел –
Горделивую кровь усмирив,
Словно малые блудные дети.

Сгорает день, сгорает год,
сгорает жизнь...
Прошедшее нам кажется игрою.
И я опять шепчу себе: «Держись!
Надейся, верь, твори
и будь собою!»

Жизнь первозданно хороша!
Ликует май!

И птицы обживают поднебесье.
Нежданная любовь –
скорей встречай! –
Ворвётся в сердце
трепетною песней.

Растает горделивый поздний лёд.
Молитвы сладость
разволнует сердце.
И новый миг о вечности споёт,
И Божья мать
обнимется с Младенцем!

Мы на мосту,
влюблённые, стояли,
Играла осень нам
прощальный блюз.
Усталые деревья осыпали
Златой листвой
непрочный наш союз.

Багряный цвет
 раскрашивал округу,
 И стоны джаза ветер доносил.
 А мы стояли,
 прислонясь друг к другу,
 Навек расстаться не хватало сил.

Какие взору открывались дали,
 Ведь было нам всего
 по двадцать пять.
 О будущем молчать
 предпочитали,
 Хоть и мечтали встретиться опять.

...Жизнь пролетела,
 не нарушив клятвы,
 Поскольку клятв и не было у нас,
 Мы встретились
 на том мосту крылатом,
 Чтоб снова слушать
 наш волшебный джаз.

И снова в парке царствовала осень,
 Листовою покаянно шелестя...

Я знаю, ты меня тогда не бросил.
 Я просто не услышала тебя.

Снегирь – туда-сюда по веткам...
 И доченька, что видишь редко,
 Вдруг позвонит тебе с утра.
 И спросит: «Мама, не скучаешь?
 Я забегу на чашку чая?..»
 Ответишь ей: «Давно пора!»

Пришла пора смотреть в окошко,
 И сыпать птицам хлеба крошки,
 И дочку в гости поджидать.
 И пироги пора поставить,
 И Господа в душе восславить,
 Что ты и бабушка, и мать.

Вновь тебя со мною нет,
 Но при этом ты со мной.
 Как закат и как рассвет,

Словно полдень золотой.
 Дождь ли, засуха, пурга –
 У печали на краю
 Чувствую – твоя рука
 Вдруг сожмёт ладонь мою.

Где тебя, мой милый, нет?
 Даже там, где не ждала!
 Ты – классический концерт,
 На который я пришла.

В звуках скрипки слышу смех,
 В звуках флейты слышу плач...
 Ты такой один из всех.
 Не забыть тебя, хоть плачь!

Каждый новый день
 меняет осень облик свой.
 Лист кленовый
 обжигает, в танце золотой.
 А багряный лист рябины
 нынче загрустил,

Расставаться с летом милым –
никаких нет сил.

Лето жаркое пропело,
и осенний джаз
Стонет в парке опустелом
песенку о нас.

Отрыдали, отзвенели
наши соловьи.

Скоро запоют метели
о былой любви.

О моей любви осенней –
поздней, золотой –
Рассказал Сергей Есенин,
как никто другой!

Леса примеряют
свой новый наряд.
Весною на всех изумруда хватает.
Берёзки, красуясь собою, стоят.
И ветер им юные кудри взбивает.

Ах, ветер, изысканный
суперстилист.

Прославился он
где-то там, за горою...

Поэтому каждый берёзовый лист
Ему подчиняется вешней порою.

Рождественское чудо-опахало
Одело лес в чарующий наряд.
Христос родился!

Почему ж рыдала
Вчера метель,
свершая свой обряд?

Печалилась, печалила округу!
Раскидывалась звонким серебром!
Метель-метель, любимая подруга,
Не знала ты, что все мы чуда ждём.

Оно освободит нас от печали,
От горьких безутешных
наших слёз...

И как мы это чудо величаем?
А чудо называется Христос!

За окнами усталая метель
По-вдовьи закручинилась
и плачет...

Как будто гонит кто её отсель
И ничего для нас она не значит!

Конечно же, мы в гости
ждём весну,
Но и метели в сердце
хватит места...

Она же угрожает: «Прокляну,
Коли для вас теперь
весна – невеста!»

Ревнует, не даёт весне прийти
И Масленицы чучело терзает.
Блинком её
горячим угости,
Глядишь, она наестся и отгадет.

Блинок, как парень молодой,
горяч...

Метель шипит:

«Я вас прощать не стану!»

Ну что же остаётся нам, хоть плачь?

Мы под метель споём
весне осанну!

Жизнь прекрасна, оглянись!

Русь укрылась белым снегом,

Снегири, горя на белом,

В небо синее взвились.

То ли это снегири,

То ли сердце ввысь вспорхнуло?

То ли отблески зари,

Что внезапно полыхнула?

Не позволяй себе обид.

Вспомни, что все люди - братья.

Снегири летят в зенит

К солнцу ясному в объятья.

Зову свою эпоху окаянной:

Язык великорусский

втоптан в грязь.

И в интернете, и с телеэкрана

Его вовсю коверкают, смеясь.

Сюсюкают, картавят, шепелявят,

Подолгу рассуждая ни о чём.

Что было страшным сном,

то стало явью...

Но мы

под знаком Пушкина живём.

Он под указы

царские не гнулся,

Своим стихом

сердца насквозь пронзал!

А нынче бы в гробу перевернулся,

Когда своих потомков услышал.

Сограждане страны

моей распятой,

Что с вами случилось, что живёте вы,

Друг друга кроя

пошlostью и матом,

Но слушать

не хотят они, увы...

БЫВАЕТ В ПОЛДЕНЬ

Мечты, навеянные снами,
Уже померкли в свете дня.
Вчера возникшее меж нами
Сейчас оставило меня.
Поблекнет ночи этой радость,

МЕЧТЫ, НАВЕЯННЫЕ СНАМИ...

Впитав нечаянную сладость,
За слабость прокляну себя...

«Маркса, Ленина,
Пролетарская...»
Циферблат. Фонари. Деления...
Циферблатом луна январская
Продиктовывает повеления.

Улетаешь? Нет?..
Счётчик щёлкает.
Круг за кругом. Фонарь. Деления.
Озарённо ДА бесконечным НЕТ
Продиктовывает повеления.

Гость
альманаха

ТИХОНОВ Дмитрий Геннадьевич родился 2 января 1964 года в городе Магадане. Служил в армии, был свободным предпринимателем. В конце 80-х годов проживал с семьёй в Оренбурге. Умер в 2013 году в Ставрополе. Всю жизнь любил поэзию, писал стихи.

Поворот. Фонарь,
взвизг протектора.
В лоб часами:
«Уже регистрация».
Непристрастно рука корректора
Трансплантирует информацию.

Глыба камня.
Здесь будет памятник.
В сто глаз окна.
Расходятся мнения.
Щёлкнул счётчик:
«Налево маятниковые
Продиктовывают
повеление».

Дмитрий Тихонов «Мечты, навеянные снами...»

В рассветный час почти незримо
Бледнея в пасмурной дали,
Звезда звезде, летящей мимо,
Шепнула тихо: «Позови!»

На новый круг ушла комета
В бестропье чёрной пустоты.
Звезда померкла... Луч рассвета
В себя вобрал её мечты.

ПАРАДОКСАЛЬНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ

Как от собаки кот,
Бегу в разгаре дня.
Из полно-солнца льёт
Внезапный смех дождя.

Забыв сказать «пardon»,
Смывает лоск и грим,
Смывает полусон
С лиц бесшашный мим.

Над сутолокой дней
Дождь в пыльный бубен бил.
Кого-то сделал злей,
Кого-то одарил.

Волна набегает нежная.
Касаюсь её я бережно.
Постель мне в бульжном крошewe
Травую морской заполошена.
Волна застиляет новая,
Зовущая, пенобровая.
Полна безутешной ярости
В закатно-багровой алости,
Со всхлипом, как баба вдовая,
Волна наползает новая.

Негаданно-нежданно, ненавечно,
Случайно соболезнуня судьбе
Твоей, коснусь тебя беспечно,
Во вред себе...
Или тебе.

На паперть привокзальную
Дождями невпопад
Нюансы мироздания
Летят.

Нюансом мироздания
Вторгается в подспудное
Сквозь дни и расстояния
Букетик незабудок.

О чём кого расспрашивать?
Ты был. Увы, не выстоял.
Метлой по дню вчерашнему
Пройдётся дворник истоиво.

Дорога – избитая вечная тема.
Зачатая, но не рождённая
кем-то поэма
Мне слышится в этом
надрывном стукe
Вагонных колёс.

Беду-суету от себя отторгая,
 Бегу,
 Столбы-города за окном не считая.
 Бегу.
 Но мосты не сжигаю,
 Надеюсь, смогу.

Сквозь дрязги-невзгоды
 Бегу из-под спуда
 Задаром на плечи
 взваленного чуда,
 Не всуе бегу ли оттуда,
 Где нужен и ждут?..

Оттолкалось лето перепутьями,
 Встреч-разлук
 нежданных перекликами,
 Под осин лысеющими прутьями
 В колее играет осень бликами.

Оттолкалось. Спело.
 Отпшушукались

Ночью листья...
 Солнце спелым яблоком
 Поднялось...
 И птицы улюлюкали,
 Собираясь в стаю...
 Или плакали.

О дне твоём «серый»
 И будет точно.
 Но строки не вместят
 город полночный.

Диктует субтитры ветер усталый.
 Ему, бродяге, и то пристало
 Размазать по стёклам
 дождинок слёзы,
 Строфою ударит, ему ль до прозы:
 «Шагни с порога в несуеть ночи.
 Вдохни, а потом
 карандаш заточишь».

Пиши: «В небе звёзды
 играют в прятки.
 И в лужах свет их,

И что не падкий
 До света в лужах – уже учёный.
 Луна ночником пятисотсвечовым
 Спящего парка купает стволы
 В запахах хвои, земли и золы.
 Оглянись вокруг,
 зло не помнящий!
 В тёмных окнах мольба о помощи.
 В замках зданий
 укрылись спящие.
 На асфальте стоишь,
 морем пахнущий».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мерцают взлётные огни,
 Дрожа и негодуя.
 Бесстрастно ветер с простыни
 Бетонной листья сдует.

Бесстрастно ночи лёгкий плед
 Сорвёт с аэродрома...
 ...Немой наполнится рассвет
 Ворчаньем дальним грома.

Года минули и века,
 Давно уж нравы огрубелись,
 Но так же трудно нам пока
 Сказать любимому – «любимый».
 Но страх и гордость вдалеке,
 Устав любить на расстоянии,

*Гость
альманаха*

ЧИКОВА Юлия Павловна родилась в 1977 году в Оренбурге. Стихи начала писать в 5 лет. Имеет музыкальное образование (фортепиано) и специальность секретаря-референта. Печаталась в газетах «Южный Урал», «Вечерний Оренбург», альманахах «Гостиный двор», «Аксаковский». Живёт в Оренбурге.

«ВОСКРЕСНЕМ!» — ГОРДО ШЕПНУ...

Я побеждаю на листке
 Мучительный запрет признанья.
 Несмело пальчики дрожат,
 Неслушник почерк, будто пьяный,
 И вновь сквозь поколений ряд
 Смятенье пушкинской Татьяны.
 Умчались прочь в небытие
 Чепцы, корсеты, букли, няни...
 Всё изменилось на земле,
 Не изменились лишь желанья.
 И ручку, выскользнет, боясь,
 Сжимаю в кулаке до боли.

Отбросив бред банальных фраз,
 Я к вам пишу – чего же боле?

Поэты

Ни в вине, ни в истине не каюсь,
 Выбирая трудные дороги
 И о камни злобы спотыкаясь,
 Ходят по земле босые боги.
 Ходят, как потерянные тени.
 Ходят и не ведают покоя.
 Боги проповедуют сомненье,

Бедные, несчастные изгои...
 Дайте людям истину, пророки!
 Укажите грозными перстами:
 Это – хорошо, а это – плохо,
 И народ потянется за вами!
 Но смеются бедные скитальцы:
 «Мы умеем думать лишь красиво!
 Только мыслей
 выпросить не в силах,
 Как же мы устали побираться...»

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Бреду по строчкам, по листам
 Святой отшельницы Марины,
 И хлещут ветки по устам.
 Взгляну на дерево, а там –
 Единственная гроздь рябины...

Миров и судеб Творец,
 Ты знал ко Кресту дорогу.
 Прими терновый венец –

Иуду избрали богом.
 Не плачь, не смейся – скажи
 Слова среди сора и гама
 И вновь хлыстом укажи
 Торгующим путь из Храма.

Я пытаюсь взглянуть в небо,
 Додышать, досмотреть,
 дознаться бы!
 Но мешает всюду мне вы,
 Достижения цивилизации.
 Электронным мозгом
 компьютерным
 Поверяется нынче молодость,
 И смыкаются мысли путано
 В протяженьё
 электропровода.
 Отпусти же, оставь на ужин
 Гигабайтово это месиво
 И прошлёпай по синим лужам –
 По весенним, легко и весело.
 Загляни же в мое молчание,

И, быть может, вдохнув весеннее,
 Ты увидишь смысл в созерцании
 И услышишь пульсацию времени.

РОЖДЕСТВО

Природа, беспредельная
 в сиротстве,
 Примеривает платье перед сном.
 Скрип санок,
 неразборчивая подпись
 Конька – всё растворилось
 за окном.
 Природа, бесконечная в печали,
 Всё бродит,
 всё обходит свой дворец.
 Какое безрассудное начало
 И столь же неоправданный конец.
 К стеклу прильнула,
 видит отраженье
 Своё. Вдруг – улыбается себе
 И начинает тихое круженье
 По неопределившейся судьбе.
 Сомкну ресницы, и не сон ли это

В окно моё стучится кулачком?
 Круженье снега – как творенье света,
 Стремительно, и ярко, и легко.
 Прорвавшись через сумерки
 и усталъ,
 Покинутая, долго не скорбя,
 В каком ревнивом,
 трепетном безумстве
 Она воссоздаёт саму себя!
 Рвану окно –
 и пьяный дым, как в О сне,
 Окутывает мой рабочий стол!
 Хозяйка, и прислужница, и гостья,
 Природа отмечает Рождество.

Мой обшарпанный, старый рояль!
 Пограничных веков переключка!
 Ты ль подсказешь чуть-чуть,
 я сама ль
 Состыкую мгновенья привычно,
 Но чуть мысль остановится жить,
 Чуть задумаюсь в окна беспечно,

Протяну, словно выдохну, нить:
 До, ре, ми,
 соль, ля, си –
 Бесконечность...

Паденье – взлёт, тоска и смех,
 низы-верхи.
 Передо мною чистая тетрадь.
 Я переписываю набело стихи,
 Но жизни набело
 мне не переписать.
 Не протоптать запретного пути,
 Но и как прежде жить – не вмоготу.
 Я не к тому стремилась,
 Господи, прости!
 Я переписываю набело Мечту.

Осень. Моросит. Опаздываю.
 Мимо каблучочки дробью.
 «А который час?» –

«Час... час... час...» –
 Тихим эхом исподлобья.

«Стой, загадочная женщина!
 Мне сейчас не до подвоха!
 Сколько времени?» –
 «Безвременье...» –
 Отзывается Эпоха.

Какая тёплая зима!
 Природа борется вполсилы,
 И я не поняла сама,
 Какое счастье упустила.
 Хмельной и ветреный февраль
 Снег талый превращает в слякоть.
 Под вечер сяду за рояль –
 Играть, и вспоминать, и плакать...
 Бездонность рек, озёр, сердец!
 Какая муть в тебе таится!
 Как эта муть тепла боится!
 И обессилев под конец,
 Ты сковываешь души, лица...

Но всхлипнув половодьем сёл
И отразив в воде светило,
Весна растопит в сердце всё,
Всё, что зима не растопила.

Какая дивная осень,
Какая дивная ночь!
Луна ударилась оземь,
И сердце просится прочь.
Над свечкой тихо колдую,
Огонь – начало всего.
За всех обиженных всуе
Люблю тебя одного.
А утром – вновь на Голгофу,
На Крест опять и опять.
Как будто мраморный профиль
Железом можно распять.
Толпа вздыхает напрасно.
Улыбка – дань палачу.
За всех отринутых праздно
К тебе любовью плачу.
Мой след впечатался бледно.

На белом белым пишу,
Но я со вздохом последним
Свою задачу решу.
Растратив жизнь бесполезно,
Возьму любую вину.
За всех проглоченных бездной
«Воскреснем!» - гордо шепну.

Владимир Высоцкий

Гул затих. На подмостки он вышел.
Лицедей, поэт и пророк.
В осязаемом воздухе слышен
Хрипловатый его басок.
Не щадя уставшее горло,
Заставляет он зал застыть.
Зритель замер. Дыхание спёрло
От вопроса «Быть иль не быть?»
Так вопрос переходит в песню,
В кости, в жилы, в нервы и в кровь.
И «великий-могучий» тесен.
Он захлёбывается от слов.
И в реке под названием Совесть
Тонут крики, топот и визг.

В каждом слове – целая повесть,
В каждой строчке – целая жизнь.
В этом голосе – бред бессонниц,
В этом голосе – пот и кровь.
Он хрипит, рыдает и стонет,
Словно загнанных стая волков.
Гул затих. И сил уже нету,
Так что впору волком завывать.
Но с подмостков на всю планету
Он грохочет: «Быть иль не быть?»

СТРАНА

Дешевеешь ты, дешевеешь,
Отдаёшься за полцены.
Снова ветер-бесстыдник веет,
И исподние тряпки видны.
Понапрасну ты, понапрасну
Издаёшь о помощи крик.
Мне без этого слишком ясно
Предстаёт твой ужасный лик.
Как жестоко, о как жестоко
Избивают тебя, страна!
Но земное не дремлет око,

И иные встают имена.
 И как лживы, бесстыдно лживы
 Твои сны, которых не счастье...
 Но ты всё же будешь счастливой!
 И покуда поэты живы,
 Будут Слово, Дело и Честь!

О ЛЮБВИ

Любой улыбке, как подачке, рады,
 В сплошном круговороте
 дел и слов
 Мы все стремимся
 совершить громаду
 Того, чего не требует любовь.
 Мы громкие слова
 друг другу дарим,
 Добытые из глубины веков.
 Но задыхаясь в шуме,
 как в кошмаре,
 Не терпит многословия любовь.
 Кому неведома краса рассвета
 И прелесть той особенной тиши,
 Когда вопрос не требует ответа,

Когда душа открыта для души?
 И шоры независимости
 сдёрнув,
 Пора растолковать себе самим
 Простейшие
 из человеческих формул:
 Поймёшь – и понят,
 любишь – и любим.

Давно ты
 моего совета просишь,
 Послушай:
 если жить не вмоготу –
 Не бойся
 всё ненужное отбросить
 И набело переписать мечту.
 А те черновики,
 что накопились, –
 Бог с ними, не оглядывайся, пусть!
 Бросай в огонь!
 Что в них,
 скажи на милость?

Ты знаешь эту скуку наизусть!
 Не жди, что станет легче,
 проще, лучше, –
 Не станет. Будут трудности всегда.
 Как музыку,
 биенье сердца слушай,
 Ведь время утекает,
 как вода.
 И вместе с неизбежностью камина
 Проходит жизнь,
 её обрывкам – тлеть.
 Поторопись, живи сейчас,
 мой милый.
 А завтра можешь
 просто не успеть.

Запоминай моменты счастья,
 Они умчатся с ветерком,
 Когда откроешь окна настезь,
 Чтобы проветрить старый дом.
 «Ведь счастья нет», – сказал поэт.
 Вам всё цитировать угодно?

«Покой и воля» — тоже бред.
 Быть нужным лучше,
 чем свободным.
 Мгновенное, но счастье есть.
 Ты осознай его внезапно:
 Мысль, что захочешь
 перечесать,
 Глоток воды, цветочный запах...
 Запомни и запечатлей,
 «Сфотографируй»
 скоротечность —
 И сердцу биться веселей,
 Когда перед тобою —
 Вечность.

Бесцельно и печально
 Продление любви.
 Чуть приручишь вначале,
 А там — поди лови...
 Бесплодная морока —
 Прощанье между строк.
 Смешно и одиноко,

Как тысяча морок.
 И я бреду по свету
 К началу от конца.
 И кажется, что нету
 У истины лица.
 Но вот они — послушай,
 Земные «аз» и «ять» —
 Прощая равнодушие,
 Я научусь прощать.

Молчание, как ненависть,
 жестоко.
 Как в клетке,
 бьётся пленница-любовь.
 Быть может, потому мы одиноки
 С тобою, что боимся
 лишних слов?
 Уходим и уходим друг от друга,
 Пересыхает музыки река.
 И как струна натянута упруго,
 Так наша связь,
 как лиры звук, тонка.

Но главный враг
 проклятия — прощенье.
 И я в который раз себя ловлю
 На том, что неизбежно
 возвращенье,
 Как откровенье: «Я тебя люблю».

Мой милый, мой дерзкий,
 мой нежный!
 Как долго тебя я ждала!
 Уже умирала надежда —
 Хоть плачь, вот такие дела!
 И дышится легче и слаще,
 И сердце с галопа — в аллюр.
 Молю, улыбайся мне чаще!
 Твой взор безнадежен и хмур.
 Дорога твоя —
 бездорожье.
 Слова твои хлестки, как плетль.
 Но я потерплю, мой хороший.
 С тобою не пытка —
 терпеть.

Литературное объединение
«Алый цвет»

ЮРЬЕВ Андрей Геннадьевич родился в 1974 году в Печоре, Коми Республика. В третьем классе очутился в оренбургских степях, в школе поселка Новосергиевка, затем в школе №69 областного центра. Окончил Начальную инженерную школу при ОГУ, поступил на электротехнический факультет. По специальности после защиты диплома в 1996-м не работал ни дня, окунувшись с головой в газетную жизнь. В 1993-1995-м вокалист и автор

РАДИО «СОЛНЦЕ»

текстов рок-группы «Личная Собственность». С 1994 начал эксперименты в прозе, в 2000 (1 января в 00:00) в Саратове вышел в сокращении роман «Те, Кого Ждут». Роман «Люминотавр», законченный в 2002 году и отредактированный в 2017-м, в 2019-м получил 3-е место в номинации «Проза» на Международном фестивале «Гомер-2019». Лауреат Аксаковской премии за книгу «Юркины беды». Лауреат премии «За философское осмысление темы одиночества» фестиваля «Стилисты добра». Лауреат поэтического фестиваля «Яицкий Мост — 96» с формулировкой «За философизм лирики». Организатор издательского проекта «Странные люди», основатель и модератор сайтов lutavr.ru и altcvet.ru.

– Валерий Палыч, зайдите к специалисту по персоналу! – прошелестела трубка стационарного телефона, и беловолосый (старательно выстрижен ёжик и вся седая гривка поставлена гелем в аккуратную стойку) старик, сняв очки, набросил пиджак, стряхнул

с бархатного воротника пылинки и вышел из сеанса пребывания в системе внутрикорпоративных сообщений.

Теперь приходилось лавировать между снующей из зала в зал молодёжью – организация разрослась, в комнатах Рюрик-Хауса (что за юмор?) ставили дополнительные кондиционеры, уплотняли рабочие места. Ну, и состарившемуся специалисту по связи работы добавилось. Пора было требовать прибавку.

– Да, Кристина Валерьевна, вызывали? – старый улыбнулся, завидев на боковом столе большого плюшевого панду – подарок внучке.

– Папа, ну не шути так! Ты меня пугаешь этим отчествованием! – У Кристи дрогнули губы, ну нельзя так, папа, нельзя быть так далеко от близких!

– Так что стряслось?

– Наши кремлеведы паникуют. Министерство связи готовит контракт на обеспечение руководства страны надёжными коммуникациями, так всё уперлось в проблему выбора. С одной стороны, вонизированный альянс, система спутниковых переговоров, с другой – новинка эта, сотовые соединения. Что выбрать? Это же финансирование из бюджета на десятилетия, суперпроект!

– Не вижу проблемы.

– Как так? Даже Дорогин не может определить, что перспективнее, а ты всё для нас решил? – Кристина поставила отцу здоровенную кружку кофе – пониженное давление у Палыча, знали все секретари, кофе варили регулярно.

– Спутники прослушивают кто? Военные. Разведывательное управление. А сотовые кто? Хакеры из хипстеров? Или сникеры из памперсов?

– Папа, твоим шуткам никто не рад, при Патроне не сказани, пожалуйста! – Из стеклянного шкафика Кристи извлекла со дня рождения хранимые швейцарские конфеты.

– Ох, дочь! Стоило тебя растить, чтобы заморскими яствами угощала. Это Патрон раскошелился? – Старик подул на нежную, светлую пенку.

– Ну что предложишь, отче наш?

– Твоим шуткам, Кристин, лучше тоже не звучать. Не трогай веру. Я хоть и не вполне православный, но крещённый.

– Конечно, я помню, что ты, папуль!

– Ты отключила прослушку в кабинете? – Это он уже на пальцах показывал, молча обведя жестом потолок, стены, указав на решётку вентиляции и кондиционер, вмурованные в бетон светильники и розетки.

– Да, можно говорить.

– Я с чем работаю? С покупкой «трубок» для персонала. С обеспечением связью и интернетом. С карточками для сотовых и оплатой наземных, так сказать, телефонов. Так вот бум идёт на сотовом рынке, я же вижу. Спецсвязь никто не отменял, но военных и так стали облизывать с ног до головы.

– Но ты разве знаешь, что для Дорогина предпочтительнее?

– Прослушка. Всем и всегда нужна прослушка. Пока что сотовые операторы упираются. Свобода слова, тайна частных переговоров... Наивные. Пусть дадут допуск Службе Терапии к своему оборудованию, а взамен... У жены Дорогина бизнес не ладится. Мальчишки из отдела оперативной аналитики рассказали. Пусть пообещает взамен перебросить активы на развитие новой отрасли.

– Ну, папка, ну ты рассудил! Отлично, я пошла к Патрону с идеями!

И она пошла, действительно, пешком пошла в Президент-отель, в снимаемые боссом политологов

апартаменты. «Но зачем? – подумал Валерий Палыч. – И так уже всем всё известно».

«И был день, и деревья до самого солнышка... И летел Бог!..» – Валерий в сотый раз слушал эту песенку оренских музыкантов, девушки на три голоса а капелла играли шёпотом и распевом, мурашки! Кассету принёс дизайнер из Ори, заметивший, что Палыч даже в рабочее время почти не снимал наушники плеера.

Он же Оренским аэропортом до пенсии жил, и болел им, и радовался его росту, и любые перемены встречал с любопытством. «Я держу путь к чему-то лучшему» – представьте себе, эту песню Металлики загонял до дыр на плёнке. «Продвинутый дед», – посмеивался молодняк, исправно получавший

от Палыча компенсации за переговоры. Вот только орьчанину Валерий не помог, посчитав, что вызовы дизайнера на работу организации оплачивать незачем. Тот побледнел, заломил руки, но так и ретировался. Кассету, впрочем, оставил.

Так о чём мы? Аэропорт. Отец Валерия как

Отец Валерия как ушёл в 38-м связистом на службу в погранвойска (войска НКВД, вообще-то), так и шагал вместе и с отступавшими, и с наступавшими, и горечь поражений сообщая по проводам, и новости об освобождённых городах раззванивая на всю страну, а не то что одному руководству фронтов.

ушёл в 38-м связистом на службу в погранвойска (войска НКВД, вообще-то), так и шагал вместе и с отступавшими, и с наступающими, и горечь поражений сообщая по проводам, и новости об освобождённых городах раззванивая на всю страну, а не то что одному руководству фронтов. Фото взятия фельдмаршала фашистского в учебниках видели? Павел, Проповедник Правды, как его окрестили вышестоящие, чуть-чуть не вошёл в кадр. Следом за установленным им соединением новость ушла в Ставку.

А отец жены? Ну, тот при освобождении Варшавы на простреливаемом пяточке лежал ничком два часа неподвижно, под грудь спрятав провода, чтоб если даже застрелят... Польский Крест. Только вот продал его ушлым коллекционерам в пятидесятом, дочке закупив белишко и корову приведя на двор, отпаивать слабинку парным молоком. Так что кем решил стать восемнадцатилетний Валерий? Гражданская авиация обустроивала аэропорты по всему Союзу, работы на век, Валерке досталось модернизи-

ровать построенное, докаторы обновляя и заменяя ими высоченные антенны.

А теперь вот власть менялась, народ то прибогачивался, то беднел, но звонить родным и по делам – первое дело. Вот и прижился Валерий после службы в аэропорту у дочери-психолога специалистом по связи на работке, работке, ведь всерьёз в возможность аналитиков влиять на власть в стране Палыч не верил. Вот так.

*

А молодой орчанин зачудил. Когда Патрон вслух дословно произнёс на летучке всю сконструированную дизайнером фразу, описывающую устройство новой структуры их Центра, он ко всем стал приставать с вопросом: «Вы тоже слышите мои мысли?» Мучился, хмурым ходил от кухни к своей кабинке в зале, заговаривался, что «телевизор видит меня», вздрагивал, когда такие молодые, но уже циничные социологи со смехом пересказывали при нём, кто

что думал. Понимаете? Кто что думал...

«Ещё один очнулся, – язвила молодёжь. –

Надо же, люди до двадцати пяти лет живут как во сне».

– Егор, сядь-ка здесь. – Палыч за плечо прихватил дизайнера. – Ты очнулся в настоящую жизнь? Непонятно? Ещё бы. Волны. Излучение. Короны монархам почему с лучами? Царь – ипостась Солнца, во-первых. А во-вторых – источник мысли и для верхов, и для народа. Светоч, одним словом. Понимаешь? У каждого своя роль в этой радиопостановке. Твоя? Ну, это решать тому, кто у тебя в жизни главный авторитет. Найди его! Иначе подомнут под себя, и будешь как радиоуправляемый зомби. Я тебе говорю как человек, обеспечивающий связь.

– Смотрите! – Потрясённый дизайнер ткнул пальцем в экран «ящика».

«На прошедшей встрече глав трёх ведущих операторов сотовой связи с господином Дорогиным триумвират получил заверение в поддержке развива-

ющейся отрасли государством. Полностью содержание переговоров не разглашается».

Палыч усмехнулся.

– Прослушка. Понимаешь? Служба Терапии озолотит, если найдётся возможность прослушивать сознание, так скажем, и прослушивать выборочно. Экстрасенсорики уже не справляются. Слишком большой поток радиошепотков. Понимаешь меня?

– Это же кошмар, – прошептал Егор. – Никакой возможности уединения. Никаких тайн, на самом-то деле.

– Не всё так страшно, Егорино горе такое горе... Не все всё слышат, а кто и слышит, не

всегда знает о потоке событий, сплетённых с мышлением. Так что лазейки на волю есть.

«Попадись мне, кто всё так придумал, я бы сам бы его придушил», – пропело радио.

– Ну что затрясся, горе наше? Есть что скрывать? – Палыч положил парню руки на плечи и выглядывал в широких зрачках, выглядывал...

– *Прослушка. Понимаешь? Служба Терапии озолотит, если найдётся возможность прослушивать сознание, так скажем, и прослушивать выборочно. Экстрасенсорики уже не справляются. Слишком большой поток радиошепотков. Понимаешь меня?*

– *Это же кошмар, – прошептал Егор. – Никакой возможности уединения. Никаких тайн, на самом-то деле.*

– Понимаешь, общество – система иерархий, зависимостей. И либо ты подстраиваешься под систему, либо система подстраивается под тебя. Но для этого надо создать нечто настолько ценное, такую идею, чтобы хоть одна иерархия прислушалась к тебе.

– И третьего не дано? Либо, либо? – Пробудившийся жадными глазами смотрел на проповедующего такие азбучные истины...

– Есть. Вестники. Связники. Ангелы, можно сказать. Кто поддерживает саму структуру общения человеческих систем. Слушающие людям, но подвластные одному Богу. – Старик снял очки и приблизил к лицу юноши свой искрящийся солнцем взгляд.

«Что ж вы молчали, гады, что ж вы молчали?» – переключилась станция.

В комнату вошли два терапияца с нашивками Инспекторов – серебристо-чёрное искрестье на левом плече. Следом – санитары.

– Не буянил? – бросил за плечо Инспектор, разворачиваясь к выходу.

– Нет. Но это он ещё не знает о вечности.

– Что? – оглянулся Егор, под трясущиеся локти подхваченный здоровяками в белых халатах.

– Что-что... Ничего не бойся, смерти нет!

Фургон Службы Терапии отъехал от Центра Экстренной Аналитики, увозя ещё одного Пробуждённого, вычисленного по сотовым звонкам сотрудников меж собой.

«Ещё один очнулся в реальную жизнь. Может быть, однажды проснётся в Жизнь Истинную. Если переживёт задержание. Новая жертва прослушки», – записал Валерий Павлович под ником F1xxxh в закрытом разделе журнала внутрикорпоративных сообщений.

Солнце заходило, последними лучами лаская непокорный ёжик седых волос.

СОДЕРЖАНИЕ

А	АРХИПОВ Александр	«В стихах воскресает поэт!»	4
Б	БАКУЛИН Вадим	«Однажды реки повернутся вспять»	10
Д	ДОНЕЦ Валерия	«Обретаешь вдохновенье в незнакомых мирах...»	17
З	ЗАБОРОВА Тамара	«Два капитана»	20
К	КУБАЕВСКАЯ Елена	«Полёт без границ»	28
	КУЗЕМЦЕВА Олеся	«Уж если жить, так в небесах летать!»	31
	КУРЯКОВА Наталья	«Я не боюсь высоты!»	35
Л	ЛЮБЕНКОВА Ирина	«Буду космонавтом!»	41
М	МОТЫЖЕНКОВА Екатерина	«Русь, благослови нас!»	47
	МОТЫЖЕНКОВА Ксения	«Запоёт душа, как соловей...»	53
О	ОЛЕЙНИКОВ Максим	«О любимой поют соловьи»	59
П	ПОЛУЭКТОВ Юрий	«Невольная, счастливая обитель...»	65
Р	РЯХОВСКИХ Вера	«Сердце тайну открыло...»	69
С	СЕДЕЛЬНИКОВ Сергей	«Жизнь не проживёшь взаймы!»	75
	СОКОЛОВА Валентина	«Века меж Русью и Ордою...»	83
Т	ТИХОНОВ Дмитрий	«Мечты, наваянные снами...»	89
Ч	ЧИКОВА Юлия	«Воскреснем!» — гордо шепну...»	92
Ю	ЮРЬЕВ Андрей	«Радио «Солнце»	98

Редактор
Диана КАН

Дизайн & вёрстка
Андрей ЮРЬЕВ

Корректор
Ольга СМИРНОВА

Обложка
Ольга НАГОРНАЯ

Электронный адрес
литературного
объединения
«Алый цвет»:
altcvet@yandex.ru

Дополнительную
информацию о произ-
ведениях участников
ЛитО можно найти на
сайте altcvet.ru,
наших группах
во ВКонтакте и
Фейсбуке и узнать
непосредственно у
Дианы КАН в Доме
литераторов:
460000, Оренбург,
ул. Правды, 10,
второй этаж.

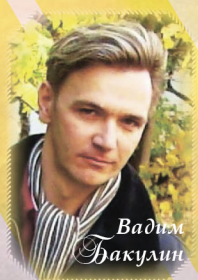
Альманах-преодоление

ЭТОТ номер альманаха «Алый цвет» уместно назвать антикризисным, ведь выход из кризиса предполагает воистину творческие, нестандартные решения. Народ вкладывает скромные сбережения в покупку гречки, а наши авторы решили вложиться в это издание. Вспоминается исторический случай: Уинстону Черчиллю в войну принесли свёрстанный бюджет Великобритании, где титульные позиции занимали военные расходы. «А где расходы на литературу и культуру?» — спросил Черчилль. Помощники остолбенели: «Какая культура? Мы воюем с Гитлером!» Ответ Черчилля гениален: «А за что мы воюем, как не за то, чтобы иметь право на свою культуру?» А ведь правда! Гитлеры и COVID'ы приходят и уходят. Но если не поддерживать свою культуру, то придётся смириться с гитлером и с COVID'ом. Издание этого номера альманаха в это категорически неподходящее в финансовом отношении время с полным правом я называю творческим преодолением непростой ситуации, что имеет место быть в России... Наши авторы расскажут вам, как прекрасна жизнь несмотря ни на что! Их рассказ о жизни будет полифоничен. Ведь география авторов альманаха расширилась, перешагнув оренбургский региональный формат, с чем я и поздравляю наших читателей!

Диана Кан,
руководитель Оренбургского литобъединения
имени С.Т.Аксакова

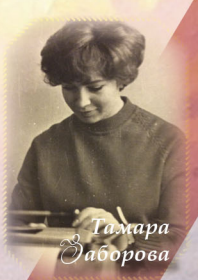
*Александр
Архипов*

*Вадим
Бакулин*

*Валерия
Донец*

*Тамара
Заборова*

*Олеся
Куземцева*

*Елена
Кудавская*

*Наталья
Курякова*

*Ирина
Любенкова*

*Сергей
Ведельников*

*Ксения
Мотыженкова*

*Екатерина
Мотыженкова*

*Юрий
Полуэтиов*

*Максим
Слейников*

*Вера
Ряховских*

*Валентина
Соколова*

*Юлия
Чикова*